

Карл Генрих Маркс
Фридрих Энгельс

Манифест коммунистической партии.
Новое прочтение

В редакции В. Чернышева

Москва
2020

Предисловие

«Манифест коммунистической партии» – важнейший из трудов научного коммунизма, авторами которого являются основоположники марксизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Авторы этого уникального документа не предполагали, насколько актуальным и востребованным окажется их текст для множества последовавших затем революций, для создаваемых партий, движений, пропагандистских и теоретических работ.

«Манифест коммунистической партии» является историческим документом, который выдержал множество переизданий, однако изменения в него авторами не вносились.

Мы разумеется, понимаем, что многие современные партии и организации, причисляющие себя к сторонникам коммунистической идеологии не всегда можно считать вполне революционными и последовательными в отстаивании интересов трудящегося. Аналогичным образом социал-демократические, рабочие партии, партии демократического социализма, всецело погруженные в парламентскую борьбу или в предвыборные баталии, фактически приостановили строительство социализма, оставив эти цели только на бумаге, а порой, вовсе отказавшись от них, в особенности после краха социализма в СССР и странах социалистического содружества в 1989-1991 годах.

Понятно, что социал-демократические партии, входящие или не входящие в Социалистический интернационал, замыкаются на реформизме, «эволюционном развитии социализма», то есть фактически на текущих задачах выживания партий внутри буржуазного общества. Они отрицают при этом опыт Советской России, как не вполне социалистический, но готовы поддержать империалистическую войну или рост военных расходов на ведение «демократических войн», как это было во второй половине XX века.

Партии демократического социализма, казалось бы, более практические, озабочены демократизацией, децентрализацией общественных и производственных процессов, передачей собственности отдельным предприятиям, кооперативам, пропагандой рыночного социализма. И с этих позиций критиковали государственный социализм, созданный в СССР, как низший, первейший этап развития социалистического общества. При этом идейно размывалась, разбавлялась мощь народного хозяйства, устроенного централизованным образом, под контролем пролетарского государства, где все нити планирования, организации, координации народного хозяйства концентрировались в единых руках.¹

И те, и другие партии, исторически выставляли себя как противовес реальному социализму, созданному в СССР – критикуя и отвергая. Если первые вообще отрицали социалистический опыт Советского Союза как неверный, не соответствующий марксизму, то вторые готовы были воспринимать советский социализм со множеством «демократических» и «рыночных» оговорок, договариваясь таким образом до похорон социализма.

Третье мощное течение левой мысли, причисляющее себя к коммунизму XX века – это маоизм. Исторически он сложился в крестьянской стране. По этой причине китайский коммунизм довольно долго блуждал в мелкобуржуазных, левацких закоулках. Это не могло не сказаться на идеологии китайских коммунистов, по-своему повторивших путь советского «социал-империализма», в особенности после 1956 и после 1978 годов, и самих создавших новую социал-империю вместо СССР, что вернуло им назад их «теорию трех миров».

Тем не менее мучительный поиск обновленной коммунистической теории

¹ Да, были ошибки, было буржуазное перерождение партийно-государственного аппарата советской власти, закончившееся предательством дела социализма и отказа от коммунистической идеологии в пользу капиталистического мещанства, эгоизма, потребительства. Однако мы уже имеем этот опыт. Надо двигаться дальше.

продолжается там, где сохраняется верность коммунистическим идеям, идеям равноправия, справедливости, борьбы за освобождение труда от наемного рабства капитала, где все силы разума направлены на движение из царства необходимости в царство свободы, словом там, где куется идейное оружие пролетариата.

Вот почему было особенно интересно попытаться, по возможности, бережно относясь к исходному тексту документа, протянуть нить из прошлого в настоящее, через 172 года, и представить, как мог бы выглядеть этот выдающийся революционный документ в наши дни.

13.02.2020

Манифест Коммунистической Партии. Новое прочтение

©Чернышев В.М.

Совместный проект:

Политическая партия «Полярная Звезда».

Санкт-Петербург – Москва – Брянск, 2020

Группа «Утопия», 2020.

Проект «Остров Льда» / «The Icy Island Project» www.polz.spb.ru

Оглавление

Манифест Коммунистической партии. <i>Новое прочтение</i>	5
I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ	7
II. ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ	20
III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА .	28
1. РЕАКЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ	28
2. КОНСЕРВАТИВНЫЙ, ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ, СОЦИАЛИЗМ	34
3. КРИТИЧЕСКИ-УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ	36
IV. ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ ОППОЗИЦИОННЫМ ПАРТИЯМ	40

Карл Маркс, Фридрих Энгельс **Манифест Коммунистической партии. *Новое прочтение***

Коммунизм, больше не призрак, бродящий по Планете. «Призрак» воплотился уже в 1864 году в Лондоне, когда 13 рабочих партий учредили Первый интернационал. Идея коммунизма начала овладевать рабочими массами. Уже в 1871 году в Париже возник первый орган власти революционного пролетариата – Коммуна, выборный орган местного самоуправления народа. Опыт сражающейся Парижской коммуны показал, что с властью капитала можно бороться и победить, даже погибнув в неравном бою.

Спустя сорок шесть лет «Призрак» перестал быть «бродягой» Европы и обрел плоть в октябрьской России 1917 года. Революция рабочих, солдатских и крестьянских масс победила. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взяли всю полноту власти в стране. Однако диктатура трудящихся над капиталом, народная власть продержалась недолго. Рабочий контроль над производством и распределением продуктов, а также Конституция РСФСР 1918 года² были с некоторых пор позабыты в прошлом новой властью партийных чиновников и государственных бюрократов во главе со Сталиным, сменивших В.Ленина и его единомышленников. Собираемая вопреки заветам В.Ленина империя с очень большой натяжкой могла бы быть названа социалистическим государством, как и все послевоенные восточноевропейские «копии сталинизма».

Жизни настоящему социализму было отпущено всего 4 с небольшим года. Пока был жив вождь победившего пролетариата и крестьянства В.Ленин страна пробежала целые исторические эпохи: триумфальное шествие советской власти, военный коммунизм в условиях гражданской войны и военной интервенции 14 государств, новую экономическую политику.

Руководимый Сталиным партийно-государственный аппарат не подозревал, что огромные территории и народы, не вполне добровольно приведенные в централизованный Союз ССР и станут той силой, которая в конце концов разорвет в клочья сталинскую модель социализма, сдерживаемую в единых границах только мощной силой военно-полицейского аппарата. Сталинская государственная империя не усвоила суть социализма во всех своих республиках и окраинах как единую для всех народов мечту. К тому же порыв и энергия

² В Конституции РСФСР 1918 года было сказано, что III Съезд Советов предоставляет «рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких условиях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных Советских учреждениях» (Глава 4, статья 8). Вот почему В.Ленин настоял в ЦК сразу же отпустить Финляндию, требовавшую независимости. По-иному видел советскую федерацию И.Сталин, который «продавил» свое видение будущего страны: по форме федерации, по содержанию – унитарное централизованное государство, против чего возражал В.Ленин. Большой вождь рабочего государства изолирован в Горках от политики, от дискуссий, от встреч с соратниками, пытается докричаться до соратников, до съезда Советов в декабре 1922. Бесплезно. Принята декларация об образовании Союза СССР, куда наряду с Украинской и Белорусской республиками входит Закавказская федерация – не как три равноправные республики, – а как один субъект Союза. Возражали грузинские коммунисты, но посланные из Москвы партийные руководители дошли до рукоприкладства (дело Мдивани) в части «воспитания» непослушных сталинской идее. В итоге 31.01.1924, через неделю после похорон В.Ленина, приняли Конституцию СССР в сталинском варианте: централизованное унитарное государство (Союз), записанное по рождению как федерация свободно вошедших в нее республик. Однако в ней даже процедура выхода из Союза не была прописана. Все права – финансы, оборона, право, налоги и т.д. – забрал себе Центр (партийно-государственный аппарат). Государство рабочих и крестьян стало совершенно непрозрачным и недоступным для рабочих и крестьян в том смысле рабочего контроля над производством и распределением продуктов, налаживания организационного механизма самоуправления трудящихся во всех сферах общественного воспроизводства, о всеобщем контроле и учете, о которых писал и говорил В.Ленин. Социализм стал уходить в пустую формальность, в слова... А из В.Ленина сам И.Сталин и его подручные принялись лепить «сталиниста».

победившего в революции пролетариата и крестьянства слишком долго и бессовестно эксплуатировалась партийными и государственными феодалами.

Рабочие снова оказались отчуждены от результатов своего труда, от власти, от собственности. Все властные рычаги, нити собственности и полномочия забрало себе партийное государство новой чиновной знати, прекрасно устроившись на шее рабочего класса и крестьянства. Народу снова досталась участь государственных рабов. А удержать собранные в Союз земли от внешнего вторжения и разграбления можно было только через войны. Фактический захват старых и новых территорий не всегда был совсем законным и юридически безукоризненным. Так, диктатура пролетариата обернулась диктатурой партийного государства над народом,³ а федерация свободно вошедших в союз республик - империей.

Несмотря ни на что все эти годы социалистическая Россия изучала и излучала коммунистическую идеологию, вдохновляя мировой пролетариат на сплочение, борьбу и сопротивление капиталу и купленной им власти.

Призрак коммунизма? Да, после десятилетий сталинской империи люди надолго утратили интерес к социализму, к идеям коммунизма. Призрак снова стал исчезать за горизонтом. Поэтому и борьба против коммунизма все эти годы, особенно с середины XX века велась по нарастающей.

Не помогла даже попытка 1956 года отказаться в СССР от сталинского наследия, от сталинской государственной мегакорпорации «СССР». Новые хозяева корпорации были плотью сталинского партийно-государственного аппарата. Поэтому их реформы были корявыми и неумелыми перепевами старых его идей под новыми вывесками. Более того, усиливался милитаризм и готовность развязать мировую войну. А мировое коммунистическое движение после идейного раскола в сталинском партийном монолите стало дробиться на сотни партий, фракций и движений, из которых самой пугающей мир оказалась китайская версия социализма. Не вернувшись к марксистско-ленинским истокам социализма, мировое коммунистическое и рабочее движение как будто заблудилось в трех соснах.⁴ Мировой капитал продолжает их разваливать и дезориентировать.

Все силы старой Европы, молодой Америки и сравнительно юной капиталистической Азии объединились для священной травли этого, как им кажется, «призрака»: транснациональные корпорации, банки, правительства, послушные воле крупного капитала, а также все церковные иерархии во главе со своими предводителями, армии, полиции, спецслужбы, средства массовой информации, сросшиеся в единый злобный и агрессивный паразитический организм. *Все уже давно и упорно воюют насмерть с коммунизмом во всех его проявлениях, кроме лакейских наукообразных версий учения, обслуживающих мировые банки и корпорации.*

Поэтому нет практически оппозиционной партии, которую ее противники, стоящие у власти, не ославили бы коммунистической. Где та оппозиционная партия, которая в свою очередь не бросала бы клеймящего обвинения в коммунизме как более передовым

³ При этом общественная собственность на средства производства «странным образом» реализовалась в государственную собственность, или коллективную собственность государственного аппарата на средства производства. Собственность трудящихся на средства производства оказалась расхожей фигурой речи, не более того. В руках тружеников остался лишь труд по найму у «народного» государства и заработная плата. И все.

⁴ К тому же, как можно предположить по «внезапности воскрешения» Социалистического интернационала (1951), аккурат после активной фазы [антикоммунистического] плана Маршалла и создания НАТО, спецслужбы США и Великобритании всерьез развернули методичное разрушение мирового социализма информационно-психологическими и пропагандистскими методами (включая дробление и «измельчение» до абсурда марксистских, маоистских, рабочих и социалистических партий) поскольку победить все еще преданный идеям коммунизма народ СССР и его союзников военным путем очевидно не удалось даже с помощью мирового капиталистического проекта «Гитлер».

представителям оппозиции, так и своим реакционным противникам?

Два вывода вытекают из этого факта.

Коммунизм, несмотря на свои многочисленные национальные и региональные вариации, вынужденно все еще признается силой всеми европейскими, азиатскими и американскими участниками мирового исторического процесса, и как мощнейшая идея, и как сильнейшая, до недавних пор международная сила, объединявшая множество социалистических стран.

Время идет, коммунизм, как и всякое явление истории развивается. Поэтому пора уже коммунистам перед всем миром вновь открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма, а также безмозглым толкованиям сущности и значения коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью, по большей части в Сети, или на национальном уровне, живьем объединяются коммунисты самых различных народов и переосмысливают «Манифест», вмещающий сегодня, как Теорию, так и Практику двухсотлетнего опыта борьбы за коммунизм в разных странах и народах всего мира. Закономерно, что «Манифест» публикуется на всех языках, востребованных народами для общения, жизни и даже борьбы за лучшее настоящее и будущее.

I. БУРЖУА И ПРОЛЕТАРИИ⁵

История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, – целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века – феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов – еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.⁶

⁵ Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.).

⁶ За полтора века «Манифеста» разбогатевшая мировая буржуазия пыталась уничтожить классовую теорию. В научную лексику в 1920-е годы вошло понятие «средний класс». По «Манифесту», в капиталистическом мире есть два враждующих класса: буржуазия и пролетариат. Такой подход сильно раздражал капиталистов. Фактически средний класс – это конструкция, придуманная буржуазными учеными, с целью разрушить идею классовой борьбы и конечной ее цели, диктатуры пролетариата. И с этой точки зрения, конструкция «средний класс» смысла не имеет – это чистая химера, существующая на избыточных финансовых ресурсах... (См.: (Хазин, 2019), с.389). Условно в *средний класс* включали и верхушку рабочего класса, и мелкую и среднюю буржуазию, и службу верхних классов. В капиталистическом обществе в качестве критериев среднего класса называют уровень образования и доходов, повышенные стандарты потребления, владение собственностью и способность к высококвалифицированному труду.

Критерии такого «бесклассового» *класса* достаточно размытые. Они ничего не говорят о месте класса в системе общественного производства, об отношении к средствам производства, о роли в общественной организации труда, о доле общественного богатства и способах ее получения. Ничего. Вместо этого рекламный набор благ: свой дом или оборудованная и меблированная квартира, автомобиль, счет в банке, возможность

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии.

Открытие Америки и морского пути вокруг Африки теперь уже не так поражает воображение, как ветвление энергетических сетей и невиданное развитие средств транспорта и связи, охватывающих все большую часть континентов, многократно ускоряющих оборот и накопление капитала. Информационное производство и расширение в масштабе планеты информационно-вычислительных сетей еще больше расширили масштабы движения рабочей силы и капитала, обеспечив постоянное возрастание собственности капиталистов и усиление эксплуатации пролетариев наемного труда.

Технологический прогресс перераспределил для подымающейся буржуазии прежнее поле деятельности. Гигантские латиноамериканский, азиатский и китайский рынки, финансовая колонизация стран бывшего советского блока и распавшегося СССР, обмен со старыми и новыми колониями, увеличение количества движущихся в непрерывных потоках *средств обмена* (как традиционных денег, так и их бесчисленных суррогатов) и товарных потоков вообще, обеспечили производству и торговле всемирный охват, круглосуточный режим в реальном времени. Невиданная плотность инфраструктуры, прорастающей в производство вызывают в распадающемся мещанском капиталистическом обществе быстрое развитие нового революционного элемента. Революционный элемент общества прошлых веков неизбежно пополняется пролетариями умственного и физического труда в новых и новейших отраслях материального производства, инфраструктуры и сферы услуг.

Прежняя индустриальная, отраслевая, организация капиталистической промышленности, предусматривавшая колоссальную концентрацию наемных рабочих в перенаселенных городах, более не могла удовлетворить постоянно изменяющегося содержания спроса, возраставшего вместе с освоением новых рынков и качественным изменением старых. Место ее заняла транснациональная корпорация, сросшаяся с

путешествовать, оплачивать образование и качественное здравоохранение.

Киношный образ среднего класса, по сути, есть имитация, подражание действительно богатым буржуа, которым доступны все материальные блага. Ты тоже хочешь «выглядеть» как богатый буржуа? И богатые буржуа дают тебе иллюзию «из недорогого подручного материала»: автомобиль массового производства, массовое однотипное жилье, обставленное и оборудованное массовой же продукцией, иллюзия культуры и искусства (маскульт конвейерного типа), массовая мода, примитивный интеллектуальный багаж и прочая бижутерия, дающая основание считать себя «тоже принадлежащим к элите» богатым или хотя бы состоятельными людей.

И вот этот многомиллионный эгоистичный *мещанин*, потребитель благ, приписанный к среднему классу, мнит себя центром мироздания. Он надежда и опора буржуазного мира. Из его среды возобновляется класс капиталистов, верхушка буржуазного общества. Эта же среда заплывшего жиром партийного и государственного мещанства поразила своей гнилью социалистическое общество, вернув его обратно, в болото капиталистической беспросветности. Но судьба «среднего класса» незавидна. В развитых странах, как и в странах бывшего социалистического содружества он пошел «под нож». За ненадобностью. Социализм почти повержен, однако затраты на глобальную инфраструктуру финансов постоянно растут. Доходов на «лишние рты», мнящие себя сродными настоящей буржуазии, уже давно не хватает. Среднекласс может еще какое-то процветать только в кредит, в долг. До тех пор, пока кредит еще дают и процент невысокий...

Завтра массовый мещанский «среднекласс» исчезнет совсем, став частью пролетариата, занятого физическим или умственным трудом, или, о счастье, превратится в капиталиста. Беда если узколобая психология мещанина, не расставшегося с иллюзией богатства среднего класса, будет продолжать раздвигать массовое сознание рабочего класса. Мещанин, возможно, даже хуже буржуа. Он – угроза идее и практике коммунизма. Мещанин – только за себя, ему нет дела до общества, поэтому он в постоянной готовности стать буржуа, наплевав на любые преимущества коллективизма, братства, дружеской взаимопомощи.

транснациональным банком в единого монстра глобального финансового капитализма. Разделение труда внутри отдельной мастерской, фабрики, крупной компании уступило место глобальному разделению труда между крупнейшими группировками корпораций, банков, поделившими меж собой целые страны и регионы.

Промышленные наемные рабочие *вытесняются роботами, автоматизированными или роботизированными* системами производства в экономически развитых странах (если нет возможности найти более дешевый труд женщин, стариков, детей, эмигрантов). Основные массы труда, нанимаются капиталом в Азии, где сейчас куется большая часть прибавочной стоимости в мире.

Количество наемных работников в отраслях материального производства сокращается и перемещается в состав занятых в сфере услуг и в отрасли инфраструктуры. Это увеличивает численность *производительного* населения и уменьшает, соответственно количество тех, кто ранее мог причислять себя к среднему классу. Вчерашний средний класс сравнивается по своему положению с обычными наемными рабочими. Население, производящее товары и услуги в промышленных масштабах таким образом не сокращается, и революционная повестка дня борьбы труда и капитала остается актуальной.

Рынки товаров и услуг выросли до планетарных размеров, население и, соответственно, его спрос постоянно возрастают. Удовлетворить спрос способна крупная машинная промышленность, преобразованная на новейшей технологической базе, именно как транснациональная, связанная структурно с мощностями обмена и потребления в единые продуктовые и обменные цепочки. Инфраструктура и все отрасли непродуцированной сферы развились в форму предприятий крупного машинного производства, повторяя этапы развития отраслей материального производства. Некогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Теперь доступное электричество, электроника, биохимия и нанотехнологии преобразили многие отрасли материального и нематериального производства, подчинив также общему ритму производства и обмена инфраструктуру.

Место крупных национальных отраслей промышленности и инфраструктуры уверенно заняли транснациональные сетевые мощности, поглотившие локальные и региональные продуктовые цепочки, и цепи поставок в транснациональные сетевые маршруты. Место миллионеров-промышленников, предводителей целых промышленных армий, мещан-собственников прошлого заняли владельцы и менеджеры транснациональных корпораций и банков.

Транснациональное производство и обмен сформировали и подчинили себе **всемирный рынок**. Открытие Америки осталось в далеком прошлом, но роль этого северного континента изменилась: из орудия создания мировых денег ⁷ в руках древней лондонской шайки банкиров и устройства двух мировых войн в XX веке, она стала важнейшей столицей мировых финансов, которые все более обращаются в «бумагу с нулевым номиналом».

Всемирный рынок существует теперь как рынок транснационального корпоративного капитала. В его руках и производство, и обмен, и распределение. Колоссальное развитие торговли, средств транспорта и связи, банковско-финансовых сетей удовлетворило потребность капиталистического производства в ускорении оборота и накопления капитала. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, инфраструктура вообще, развивалась буржуазия. Она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от

⁷ Федеральная резервная система (ФРС) США, созданная в декабре 1913 года, организованная как *частный* государственный банк, уже более ста лет выпускает в оборот американские доллары как мировые деньги. За 100 лет они сильно обветшали, изнашивались, потеряли реальную стоимость и держатся на штыках НАТО, охраняющих добычу и перевозку нефти. Она продается по всему миру за доллары, и только лишь «вооруженная нефть» держит на плаву доллар и всю систему военного империализма США.

средневековья и раннего капитализма.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена.

Каждая из этих ступеней развития класса мещан сопровождалась соответствующим политическим успехом. Городское среднее сословие, вырвавшее себе свободу при господстве ранних капиталистов (торговцев, ростовщиков, менял и первых промышленников), породило вооруженный и самоуправляющийся союз в коммуне.⁸ Тут – независимая городская республика, там – реликты третьего, податного сословия монархии,⁹ затем, в период крупного машинного производства, – противовес молодому классу капиталистов в массовом буржуазном обществе, где почти истлели сословная, абсолютная монархия – главная основа оставшихся декоративных, или конституционных, по виду монархий вообще. Наконец, со времени установления транснациональной организации товарных и денежных потоков в пространстве всемирного рынка, этот класс не просто завоевал себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве. Более того, современная государственная власть – это не столько комитет, управляющий общими делами всего класса капиталистических буржуа, сколько подручный инструмент в виде исполнительной, законодательной и судебной власти. «Купленный инструмент» обслуживает любые прихоти класса буржуазии, отчетливее всего сгруппировавшейся вокруг финансового капитала в качестве финансовой олигархии.

Буржуазия в свое время сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигала господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные пути, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми *никакой другой связи*, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила он священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, обывательской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, *эксплуатацию, прикрытую* религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией *открытой*, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, *человека науки* она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров, опошлил их и свел их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы как в средние века, так и в XIX-XX веках, вызывающее такое восхищение у современных реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода,

⁸ «Коммунами» назывались во Франции нарождавшиеся города даже до того времени, когда они отвоевали у своих феодальных владык и господ местное самоуправление и политические права «третьего сословия». Вообще говоря, здесь в качестве типичной страны экономического развития буржуазии взята Англия, в качестве типичной страны ее политического развития – Франция. (Примечание Ф.Энгельса английскому изданию 1888 г.). Совсем иного качества «Коммуна» была создана в Париже 1871 года, когда рабочие впервые взяли власть в свои руки в целом городском округе, стремительно продвинув вперед исторический прогресс, прочь от буржуазного производственных отношений, не вечных, как оказалось.

⁹ В английском издании 1888 г., отредактированном Энгельсом, после слов «независимая городская республика» вставлены слова: «(как в Италии и Германии)», а после слов «третье, податное сословие монархии» – «(как во Франции)».

чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушались, все возникающие вновь оказывались устарелыми, прежде чем успевали окостенеть. Все сословное и застойное исчезало, все священное осквернялось, и люди приходили, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.¹⁰

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гнала и гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должен он внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи, и в первую очередь, надежную финансовую платежно-расчетную инфраструктуру, плодящую вечные долги богатым странам и должников в бедных странах.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделал производство и потребление всех стран «без-национальным». К великому огорчению реакционеров она вырвал из-под ног промышленности и инфраструктуры национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности и инфраструктуры уничтожаются и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют не столько новые отрасли промышленности, сколько стремление подчинить местные производственные мощности транснациональным производственным и обменным цепочкам зарубежных корпораций. Введение новых отраслей иностранными корпорациями и банками объявляется вопросом жизни для всех так называемых цивилизованных наций; - отрасли, перерабатывающие как местное сырье, так и сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие стандартные фабричные продукты для мирового рынка, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, обеспеченных отечественными продуктами, создаются, точнее, навязываются новые, для удовлетворения которых требуются продукция всемирных корпораций с сетевой организацией. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства пришла не столько всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга, сколько зависимость всех наций и/или национальных государств от направлений планового развития транснационального капитала (торгового, производительного или банковского, интегрированных в новейшие формы финансового «капитала»¹¹). Это в равной мере

¹⁰ Теперь, напротив, как будто из старых сундуков извлекли все самое гнусное и мерзкое из опыта присвоения чужого труда: рабский труд, худшие формы феодальной эксплуатации, детский и женский труд, труд стариков и инвалидов. *Мещанский способ производства* длинной эпохи Собственности существует сразу в трех своих способах: рабовладельческом, феодальном и капиталистическом. И мы наблюдаем все эпохи сразу: проявления рабства, феодальный колониализм и новейший высокотехнологичный финансовый капитализм – при совершенно рабском положении наемных тружеников. Как будто и не было никакой буржуазной демократии и либерализма, этих картонных в конечном счете завоеваний класса буржуазии.

¹¹ По мере увеличения доли финансового капитала в функциональной структуре мирового капитала вообще *вещественная* составляющая капитала усыхает. Поэтому сегодня говорить о финансовом капитале, как о капитале, как об общественной производительной силе, можно говорить с большой осторожностью, понимая, что финансовый «капитал» во многом состоит из бумажной или электронной фикции отраженной стоимости. Стоимость создается только в материальном производстве. Ценовое, или денежное ее выражение может быть раздуто до немыслимых размеров. Однако связь такого «капитала» с материальной экономикой утрачивается

относится как к материальному, так и к нематериальному производству.

Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием.¹² Национальная односторонность и ограниченность давно стали невозможными, так как «без-национальные» корпорации и банки добывают прибыль, нисколько не стесняясь национальными рамками и/или национальными законами. По этой причине из множества национальных и местных литератур, кинематографов, версий телевидения образуется один всемирный *образец* примитивно-упрощенной литературы, кинематографа и телевидения, сетевого и игрового интернет-пространства, нафаршированных рекламой, которым владеет класс транснациональных мещан-собственников.¹³

Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и невиданным прежде облегчением средств сообщения, важнейшей части инфраструктуры, вовлекает в цивилизацию все, даже самые целомудренные в части жажды наживы, народы. Некогда дешевые, а теперь монопольные цены транснациональных товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой он разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть так называемых «варваров» (не одержимых еще прибылью) к иностранным буржуа-колонизаторам. Под страхом гибели заставляет этот прогрессивный класс все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию.

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни, ввергнув их в унылое, насыщенное фальшью, продажной веселостью и пошлостью урбанизированное пространство. Так же как деревню она сделал зависимой от города, так нецивилизованные, в их понимании, и получивилизованные (то есть негородские, с неразвитой инфраструктурой, воспроизводственной и социальной) страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, «крестьянские» народы – от буржуазных народов, Восток – от Запада в XIX веке, и Юг от Севера в XX-XXI веке.

Буржуазия практически уничтожила раздробленность средств производства, собственности и населения, синхронизировав производство и обмен во всемирном масштабе. Она сгустила население, централизовала средства производства, сконцентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была сначала политическая централизация в оформившихся национальных государства, затем централизация экономической и политической власти транснационального капитала через наднациональные структуры, начиная с Лиги Наций и заканчивая ООН, Мировым Банком и МВФ.

Буржуазия менее чем за двести лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие

вовсе, поскольку в обороте, денежном, или банковско-финансовом, *новая стоимость* не создается, а лишь раздувается ценовая, цифровая абстракция *вещественной* стоимости.

¹² Кроме тех случаев, когда корпорации и мега-банки скрывают от общества передовые технологии и патенты, гарантирующие революционные прорывы в производстве и обмене, стремясь выжать из основанного на углеводородах производстве максимум возможной прибыли, пользуясь монополией собственности на сырье индустриальной эпохи. Что касается интеллектуальной собственности, то чаще это понятие фиктивное, вроде «гудвила», или объективно исчезающая величина по причине «сверхтекучести» интеллектуальных продуктов в развитом информационном пространстве.

¹³ Аналогичные же продукты духовного творчества из среды наемных работников или созданные на его идейных основах не имеют выхода на широкую аудиторию планеты. Мировое население по-прежнему разделено, прежде всего, на враждебные классы, у каждого класса свои формы творчества, присущие и идейно близкие только этому классу. Поэтому вместо здорового искусства и культуры рабочего класса господствует деградирующее, порочное и развращенное, но местами хорошо продаваемое «культурное» варево от мега-корпораций кино и телевидения, а также «игро-порно-интернета».

поколения, вместе взятые. Не сам класс мещан, разумеется, а в неразрывном противоречивом единстве со своим антагонистом, классом наемных рабочих. Покорение сил природы, автоматизируемое машинное производство, применение химии, биологии, физики, в промышленности и земледелии, морской, автомобильный, железнодорожный, трубопроводный, авиационный, космический транспорт, проводная и беспроводная связь, освоение для земледелия огромных площадей, приспособление рек, морей и океанов для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, – какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!

Итак, мы видели, что средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе. На известной ступени развития этих средств производства и обмена отношения, в которых происходили производство и обмен феодального общества, феодальная организация земледелия и промышленности, одним словом, феодальные отношения собственности, уже перестали соответствовать развившимся производительным силам. Они тормозили производство, вместо того чтобы его развивать. Они превратились в его оковы. Их необходимо было разбить, и они были разбиты.

Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии.

Подобное же движение продолжает развертываться на наших глазах: ломается ограниченность локальных капиталистических буржуазных сообществ с их национальными государствами в безлико-однообразное пространство планетарных корпоративных владений. Современное буржуазное общество, с его капиталистическими отношениями глобального производства и обмена, буржуазными отношениями собственности, создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями. В течение последнего столетия история транснациональной промышленности и торговли представляет собой лишь историю неуклонно нарастающего противоречия современных производительных сил и современных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые являются условием существования буржуазии и ее господства. Уже минимум дважды это противоречие приводило к мировым войнам¹⁴ (1914 и 1939 года) вслед за которыми народные революции сметали старую буржуазную власть и организовывали в ряде стран социалистические по форме демократии, дававшие первый опыт реального социализма, пусть и с господствующей государственной собственностью.

Достаточно указать на торговые кризисы, которые, возвращаясь периодически, все более и более грозно ставят под вопрос существование всего буржуазного общества. Во время торговых кризисов каждый раз уничтожается значительная часть не только изготовленных продуктов, но даже созданных уже производительных сил. Во время кризисов разражается общественная эпидемия, которая всем предшествующим эпохам показалась бы

¹⁴ На момент создания «Манифеста Коммунистической партии» трансконтинентальные монополии в качестве глобального фактора экономической и политической власти еще не обрели видимой мировой силы, не созрели для отражения в научной теории. В особенности не было еще статистического материала об их новой надгосударственной роли, роли главных заказчиков и кредиторов всех мировых войн и «демократических», то есть мещанских революций, приводящих к реальной власти банкиров. Прежние товарные кризисы потеснились под напором денежных, «валютных» кризисов, кризисов «счетного материала» для измерения движущихся стоимостных (товарных) потоков. К 1848 году другие кризисы кроме торгового (Великобритания) еще не «дозрели», поскольку денежное обращение, принадлежавшее фунту, еще не стало всемирным, а банковский капитал не слился с промышленным, чтобы стать финансовым, паразитическим, загнивающим, военно-агрессивным и т.д. Кризис в форме войны в настоящее время (особенно в XX веке) типичен, а выйти из кризиса по-прежнему можно лишь расширив рынки, а если нет, то войной.

нелепостью, – эпидемия перепроизводства.¹⁵

Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившей дикости, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, – и почему? Потому, что общество обладает чудовищно разросшейся цивилизацией (хищных до прибылей городов), имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей. Производительные силы, находящиеся в его распоряжении, не служат более развитию буржуазной собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство. Каким путем преодолевает класс мещан кризисы? С одной стороны, путем вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых. Чем же, следовательно? Тем, что он подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

Оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, направляется теперь против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ему смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, – современных рабочих, наемных пролетариев физического и умственного труда, непрерывно пополняемого вчерашними счастливыми из так называемого среднего класса.

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, то есть капитал разных размеров, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка.

Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда, труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, а вместе с тем и всякую привлекательность для рабочего.¹⁶ Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только

¹⁵Кризисы перепроизводства «денег» – такова неотъемлемая повседневность нового капиталистического миропорядка. Финансовые, торговые, таможенные войны, переходящие порой в локальные или региональные военные конфликты и вооруженные столкновения стран – следствие растущего финансового паразитизма. Война для транснациональных банкиров или капиталистов теперь стала самой частой и быстрой формой кризиса, способом обнуления гигантских кредитных долгов. Поэтому вся логика движения мирового капитала неизбежно ведет от двух мировых войн к третьей, так как накопленные долговые триллионы «твердых» валютных денег надо где-то уничтожить. Война для такого дела – самый подходящий «рынок». Мировой капитализм, вступивший в заключительную стадию накопления капитала, финансовую, порождает колоссальное перепроизводство «денег» в самых различных формах. Концентрация «нулей» в банках и финансовых корпорациях на одной стороне, и разрушение тем самым производства материальных благ, ведущего к постоянному удорожанию жизни для трудящихся на другой стороне. Таков современный паразитический империализм, парализующий через СМИ общественное сознание.

¹⁶ Растущее применение машин, автоматизированных комплексов с малолюдными технологиями и целых предприятий, с одной стороны, все более углубляет разделение труда во всех секторах экономики; с другой стороны, живой труд наемных рабочих не просто утрачивает самостоятельный характер, но и физически сокращается в абсолютном и относительном численном выражении. Одновременно с этим рабочий умственного и физического труда не остается простым придатком снабженной процессором машины. Он должен не только выполнять примитивные рабочие операции, но и подчинить ритм его труда все более жесткому ритму автоматизированного производства и обмена. Кроме того, от пролетария требуется невиданное прежде

самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода.

Но цена всякого товара, а, следовательно, и труда,¹⁷ равна издержкам его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата. Больше того: в той же мере, в какой возрастает применение машин и разделение труда, возрастает и количество труда, за счет ли увеличения числа рабочих часов, или же вследствие увеличения количества труда, требуемого в каждый данный промежуток времени, ускорения хода машин и, в целом, синхронизированных мощностей производства и обмена, инфраструктуры и т.д.¹⁸

Современная транснациональная промышленность превратила некогда разрозненные региональные производства во всемирную фабрику промышленного капиталиста с центром накопления капитала в XX веке в США, выпускающих мировые деньги и распределяющих мировые денежные и товарные потоки, то есть работающих как временная Всемирная Касса и Склад Товаров. Массы рабочих, скученные на всемирных фабриках в Азии, в Европе, Африке и Америке, организуются по-солдатски, как армии наемников. Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они – рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно и ежечасно порабощает их насыщенная электроникой машина, надсмотрщик и прежде всего сам отдельный мещанин-фабрикант. Эта деспотия тем мелочнее, ненавистнее, она тем больше ожесточает, чем откровеннее ее целью провозглашается нажива.

Чем менее искусства и силы требует ручной труд, то есть чем более развивается современная трансконтинентальная промышленность, тем более мужской труд вытесняется женским и детским, трудом стариков и иммигрантов. По отношению к рабочему классу различия пола и возраста утрачивают всякое общественное значение. Существуют лишь рабочие инструменты, требующие различных издержек в зависимости от возраста и пола.

Когда заканчивается эксплуатация рабочего транснациональным капиталом, представленным местным или пришлым фабрикантом, и рабочий получает, наконец,

напряжение нервной и психической энергии, чтобы справиться с мощью информационных потоков, сопровождающих новые технологические процессы. Парадоксально, но современное производство и обмен требуют от пролетария обширных знаний, понимания существа многих производственных и обменных процессов, без которых нельзя не только развивать, но и обслуживать современную экономику. При этом расходы на образование постоянно сокращаются. Но именно здесь, в образовании и во многих знаниях, организационных и управленческих навыках современных пролетариев лежит смерть капитализма. Капитал вынужден обучать своих наемных рабов и вместе с тем, смертельно бояться обученных рабов – рабочих.

¹⁷ В более поздних работах К.Маркс и Ф.Энгельс употребляли вместо понятия «цена труда», «стоимость труда» более точные понятия, введенные К.Марксом, - «стоимость рабочей силы», «цена рабочей силы».

¹⁸ Напомним, что *труд* – это рабочее время, общественное рабочее время, определяемое также как *стоимость*. Труд – это стоимость, это время, делимое на необходимое и прибавочное, материализованное в *товаре*, или продукте труда, произведенном для обмена. Стоимость товара – это время *труда*, затраченное на его производство. То же самое можно сказать про *цену труда*. Это тавтология «время времени» на воспроизводство *товара* рабочая сила, а есть ли цена у времени, или *стоимость* у *стоимости*? Наверное, дело в неоднородности общественного рабочего времени, которое распадается на необходимое (вынужденное, рабское, в известном смысле) и прибавочное (свободное) и оттого, кто владеет условиями воспроизводства времени [жизни] человека. Собственники условий такого воспроизводства ставят большую часть общества в условия необходимости, *вынужденности*, рабства: заставляют людей продавать себя в обмен на средства существования. Несобственники (наемные работники) подчиняются сформированной до их рождения или при их жизни социальной среде и соглашаются кормить своих паразитов или восстают и борются за *свое* освобождение, за освобождение труда от *необходимости*, за свою свободу, за *общественное* рабочее время, принадлежащее всему обществу. Это и есть царство свободы от эксплуатации одними времени жизни других, за устранение праздности и паразитизма одних и безжалостного бесконечного рабства других, словом, за однородность и равноценность общественного рабочего времени.

наличными или безналичными свою заработную плату, на него набрасываются другие части класса мещан – домовладелец, сетевой торговец розницей, банкир-ростовщик и т. п.

Низшие слои еще сохранившегося местами среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и *рантье*,¹⁹ индивидуальные предприниматели, фермеры и даже крестьяне – все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и они не выдерживают конкуренции с крупными корпоративными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается, в результате введения новых методов глобального массового производства. Так рекрутируется²⁰ пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается одновременно с началом истории его существованием.

Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности против отдельного буржуа-собственника, который их непосредственно эксплуатирует. В новых планетарных условиях транснациональной эксплуатации рабочие по-прежнему направляют свои удары не только против буржуазных производственных отношений, даже против самих орудий производства; они уничтожают конкурирующие иностранные товары, разбивают машины, поджигают фабрики, силой пытаются восстановить отнимаемое человеческое достоинство, гордость человека труда. Сейчас, после краха социализма в СССР и распада Советского блока чувство общности всех пролетариев планеты, многим дававшее силу сопротивляться и надежду на победу коммунизма мирным или вооруженным путем, оказалось сильно подорванным.

В современном отчаянном положении и ощущении страха всего угнетенного населения планеты за будущее, коммунизм, как всемирное движение рабочего класса, безусловно нужно начинать сначала, поскольку все остальные теории и идеологии давали и дают лишь иллюзию переустройства общества и сводятся к обману.

После 1991 года мировой капитал совершенно уверен в окончательной смерти вредоносного коммунистического учения и практики социализма, так как предпринял для гибели мирового социализма гигантские усилия, увенчавшиеся победой в холодной войне.

Поэтому сейчас, в этот исторический период рабочие образуют рассеянную по всем странам и раздробленную конкуренцией массу. Сплочение рабочих масс пока является еще не следствием их собственного объединения, а лишь следствием объединения класса буржуазии, который для достижения своих собственных политических целей должен, и пока еще может, приводить в движение пролетариат всего мира. На этой ступени пролетарии борются, следовательно, не со своими врагами, а с «врагами», навязанными им капиталистами: инородцами, людьми другой веры, другой культуры, представителями других социальных слоев с доходами пока что выше средних в обществе (большинство из которых рано или поздно окажутся в составе пролетарских масс). Все историческое движение сосредоточивается, таким образом, как будто бы в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии.

Но с развитием глобальной промышленности и торговли мировой пролетариат не только возрастает численно; капитал все еще концентрирует его в большие массы, подыскивая для производства регионы с наиболее дешевой рабочей силой. Сила угнетенного класса объективно растет, несмотря на оглушающую и отупляющую работу глобальных

¹⁹ Рантье – владельцы какого-либо вида накопления, позволяющего им жить на доходы (проценты) от его использования. В просторечии именуется паразитами общества.

²⁰ Характерно, что глагол *рекрутировать* исторически означал, взять (брать) в рекруты, в солдаты, подтверждая наемный характер их услуг (труда) в обмен на деньги.

буржуазных средств информации, киноиндустрии и телевидения; и класс все более ощущает ее разрушительный характер. Интересы и условия жизни пролетариата все более и более уравниваются по мере того, как машинные технологии все отчетливее стирают различия между отдельными видами труда и почти всюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня.

Возрастающая конкуренция мировой буржуазии между собою и вызываемые ею торговые, таможенные, финансовые, валютные кризисы ведут к тому, что заработная плата рабочих становится все неустойчивее; все быстрее развивающееся, непрерывное совершенствование машин делает жизненное положение пролетариев все менее обеспеченным; столкновения между отдельным рабочим и отдельным буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают с того, что образуют коалиции против буржуазии; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации или профсоюзы для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания.

Рабочие время от времени побеждают своих эксплуататоров. Эти победы, от короткого опыта Парижской Коммуны 1871 года до более длительного и победоносного опыта Октябрьской революции 1917 года в России, дали богатую практику строительства социализма. Буржуазные идеологи считают эти успехи временными и неосновательными.

Однако важнейшим действительным результатом рабочей борьбы являлся не только непосредственный успех, но и все шире распространявшееся объединение рабочих. Объективному единству рабочих способствуют общность экономических условий их жизни, а также развивающаяся сетевая организации мирового производства, средств связи и транспорта, создаваемая крупной промышленностью, помогающая устанавливать связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну интернациональную, классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая. И объединение, для которого средневековым горожанам с их проселочными дорогами требовались столетия, достигается современными пролетариями, благодаря самолетам, автомобильным, железным дорогам и быстрой связи, в течение немногих недель или месяцев.

Эта организация пролетариев в класс, и тем самым – в политическую партию, ежеминутно вновь разрушается конкуренцией между самими рабочими. Но она возникает снова и снова, становясь каждый раз сильнее, крепче, могущественнее. Она заставляет признать *отдельные* интересы рабочих в законодательном порядке, используя для этого раздоры между отдельными слоями буржуазии. Например, принятые во многих странах законы о восьмичасовом рабочем дне, об оплачиваемом отпуске, о медицинском обслуживании пролетариев и т.д. есть следствие постоянного присутствия элементов социализма в СССР. Сейчас даже профсоюзное движение не способно полноценно защищать наемных работников, не то что партии, именующие себя рабочими, социалистическими и даже коммунистическими.

Вообще столкновения внутри отставшего от истории буржуазного общества во многих отношениях способствуют процессу развития пролетариата. Буржуазия ведет непрерывную борьбу: сначала против монархической и феодальной аристократии, позднее пожирая те части самой же буржуазии, интересы которых приходят в противоречие с прогрессом промышленности, понимаемого как безграничная жажда прибыли крупного капитала, и постоянно – против буржуазии зарубежных стран. Во всех этих битвах она вынуждена обращаться к пролетариату, призывать его на помощь и вовлекать его таким образом в

политическое движение.²¹ Она, следовательно, сама передает пролетариату элементы своего собственного образования, то есть оружие против самой себя.

Далее, как мы видели, прогресс промышленности сталкивает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу условия их жизни. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования.

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему, как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так теперь часть класса буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения.

Из всех классов, которые противостоят теперь классу капиталистов, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием глобальной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт.

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, индивидуальный предприниматель и фермер или крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит неизбежный массовый переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней.²²

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет собственности; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, как в России, так и в Японии стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия – все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные собственнические интересы.

Все прежние классы, завоевав себе господство, стремились упрочить уже

²¹ Мировая буржуазия сегодня имеет возможность создавать, скорее, видимость политического движения наемных рабочих. На самом деле руками и кровью пролетариата буржуазия расчищает себе пространство от конкурентов на мировом рынке посредством местных и мировых войн, предварительно отравляя массовое сознание пролетариев национализмом, религией, милитаризмом.

²² Общество постоянно создает люмпенов из своей среды в силу экономических причин. Причина – капиталистический способ производства. Люмпена это человек, утративший постоянный источник личного дохода или средств к существованию. К люмпенам принадлежат занятые в низкооплачиваемых и низкоквалифицированных профессиях, страдающие различными зависимостями, утратившие способность к труду или ограниченно трудоспособные, необразованные жители сельских поселений и малых городов, ведущие натуральное хозяйство. После краха государственного социализма в СССР новое буржуазное руководство России методично разрушало промышленность, сельское хозяйство и прочие сектора народного хозяйства. Тем самым эти деятели уничтожили наиболее передовой и хорошо образованный отряд мирового рабочего класса и трудового крестьянства, уничтожили тот рабочий класс, который и так уже был довольно глубоко поражен мещанством, потребительством еще с середины 1950-х годов, а особенно после реформы Косыгина-Либермана (1965), когда рабочая сила в бывшей стране социализма окончательно вернулась к *товарному* состоянию.

приобретенное ими положение в жизни, подчиняя все общество условиям, обеспечивающим их способ присвоения. Пролетарии же могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения, а тем самым и весь существовавший до сих пор способ присвоения в целом. У пролетариев нет ничего своего, что надо было бы им охранять, они должны разрушить все, что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность.

Все до сих пор происходившие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства. Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество.

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен сперва покончить со своей собственной буржуазией.

Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии.

Все донныне существовавшие общества основывались, как мы видели, на антагонизме между классами, угнетающими и угнетенными. Но, чтобы возможно было угнетать какой-либо класс, необходимо обеспечить условия, при которых он мог бы влачить, по крайней мере, свое рабское существование. Крепостной в крепостном состоянии выбился до положения члена городской коммуны так же, как мелкий буржуа под ярмом феодального абсолютизма выбился до положения буржуа. Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, лишенным средств к существованию,²³ и нищета растет еще быстрее, чем население и богатство. При этом нищета и бесправие рабочих в странах Азии и Африки, составляющих в сельском хозяйстве 90% мировой рабочей силы²⁴ несравнима с положением сельскохозяйственных рабочих Европы и Северной Америки.

Это ясно показывает, что буржуазия не способна оставаться долее господствующим классом общества и навязывать всему обществу условия существования своего класса в качестве регулирующего закона.²⁵ Она не способна господствовать, потому что неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования. Общество не может более жить под ее властью, то есть жизнь этого класса несовместима более с обществом.

Основным условием существования и господства буржуазии является накопление

²³ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. - Чудинов А.Н., 1910. (лат. pauper бедный) нищий, человек, лишенный средств к существованию (см. также пауперизация, пауперизм). [лат. pauper – бедный]. Бедняк, лишенный всяких средств к существованию.

²⁴ Employment by sector -- ILO modelled estimates, May 2018.

²⁵ Класс буржуазии сегодня представляет довольно пеструю картину: здесь не только традиционные капиталисты-собственники, оседлавшие товарно-денежные потоки и обеспечившие себе накопление, но и государственные чиновники бывших социалистических стран и советских республик, словно оборотни в лунную ночь в одночасье превратившиеся в омерзительные безликие копии всех мировых капиталистов. Здесь же и нынешние чиновники государственных аппаратов, администраций, ведомств, которым «случайно» оказались доступны бюджетные средства от налогов в их странах и территориях. Как по собственной инициативе, так и по указке МВФ, эти деятели разворовывают бюджеты, сокращают социальные расходы, то есть рушат образование, здравоохранение, социальную инфраструктуру, - «экономят», по их представлениям, чтобы обернуть ворованные национальные деньги в *мировые* и вывезти в офшоры.

богатства в руках частных лиц, образование и увеличение капитала. Условием существования капитала является наемный труд. Наемный труд держится исключительно на конкуренции рабочих между собой. Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой он производит и присваивает продукты. Он производит прежде всего своих собственных могильщиков. Его гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

II. ПРОЛЕТАРИИ И КОММУНИСТЫ

В каком отношении стоят коммунисты к пролетариям вообще?

Коммунисты не являются особой партией, противостоящей другим рабочим партиям.

У них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом.

Они не выставляют никаких особых принципов, под которые они хотели бы подогнать пролетарское движение.

Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом.

Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения.

Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти.

Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения. Уничтожение ранее существовавших отношений собственности не является чем-то присущим исключительно коммунизму.

Все отношения собственности были подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям.

Например, французская революция отменила феодальную собственность, заменив ее собственностью буржуазной. Российская Октябрьская социалистическая революция отменила частную капиталистическую собственность, заменив ее собственностью государственно-социалистической, как переходной формой к ликвидации отношений собственности, или собственности как *частной* собственности.

Отличительной чертой коммунизма является не отмена собственности вообще, а отмена буржуазной собственности.

При этом современная частная собственность буржуазии есть последнее и самое полное выражение такого производства и присвоения продуктов, которое держится на классовых антагонизмах, на эксплуатации большинства меньшинством. Эта высшая форма развития собственности – капиталистическая – есть последняя форма собственности, так как сегодня простирается на те объекты, которые в принципе не могут состоять на службе частного интереса, приносить частную прибыль. Речь идет о сетевых мощностях инфраструктуры:

транспорт, энергетика, связь, информационное производство; речь также о сетевых средствах социальной инфраструктуры – предприятиях образования, здравоохранения, культуры, науки, социального страхования и т.п.

В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности.

Нас, коммунистов, упрекали в том, что мы хотим уничтожить собственность, лично приобретенную, добытую своим трудом, собственность, образующую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности.

Заработанная, благоприобретенная, добытая своим трудом собственность! Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности и инфраструктуры ее уничтожило и уничтожает изо дня в день.

Или, быть может, вы говорите о современной буржуазной частной собственности?

Но разве наемный труд, труд пролетария, создает ему собственность? никоим образом. Труд создает капитал, то есть собственность, эксплуатирующую наемный труд, собственность, которая может увеличиваться лишь при условии, что она порождает новый наемный труд, чтобы снова его эксплуатировать. Собственность в ее современном виде движется в противоположности между капиталом и наемным трудом. Рассмотрим же обе стороны этой противоположности.

Быть капиталистом – значит занимать в производстве не только чисто личное, но и общественное положение. Капитал – это коллективный продукт и может быть приведен в движение лишь совместной деятельностью многих членов общества, а в конечном счете – только совместной деятельностью всех членов общества.

Итак, капитал – не личная, а общественная сила.

Следовательно, если капитал будет превращен в коллективную, всем членам общества принадлежащую, собственность, то это не будет превращением личной собственности в общественную. Изменится лишь общественный характер собственности. Она потеряет свой классовый характер. Более того, старое содержание понятие *собственности* переходит в свою противоположность, поскольку *общественная собственность* не является уже собственностью в буквальном смысле слова. Общность «собственности» не делит общество на враждебные классы.

Перейдем к наемному труду.

Средняя цена наемного труда есть минимум заработной платы, то есть сумма жизненных средств, необходимых для сохранения жизни рабочего как рабочего. Следовательно, того, что наемный работник умственного или физического труда присваивает в результате своей деятельности, едва хватает для воспроизводства его жизни. Мы вовсе не намерены уничтожить это личное присвоение продуктов труда, служащих непосредственно для воспроизводства жизни, присвоение, не оставляющее никакого избытка, который мог бы создать власть над чужим трудом. Мы хотим уничтожить только жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет только для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса.

В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд. В коммунистическом обществе накопленный труд – это лишь средство расширять, обогащать, облегчать жизненный процесс рабочих.

Таким образом, в буржуазном, мещанском обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе – настоящее над прошлым. В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся человек лишен самостоятельности и обезличен.

И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и

свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразднении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы, уничтожаемых наиболее отчетливо в городах концентрированного капитализма. Последнее собственно подтверждает факт умершей личности буржуа.

Под свободой, в рамках нынешних буржуазных производственных отношений, понимают свободу торговли, свободу купли и продажи.

Но с падением торгашества, как спекуляции, падет и свободное торгашество. Разговоры о свободных *торговых махинациях*, как и все прочие высокопарные речи наших *буржуа* о свободе, имеют вообще смысл лишь по отношению к несвободному торгашеству, к поработанному горожанину средневековья, а не по отношению к коммунистическому уничтожению торгашества, буржуазных производственных отношений и самого класса буржуазии.

Вы приходите в ужас от того, что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем нынешнем обществе частная собственность уничтожена для девяти десятых его членов; она существует именно благодаря тому, что не существует для девяти десятых. Вы упрекаете нас, следовательно, в том, что *мы хотим уничтожить собственность, предполагающую в качестве необходимого условия отсутствие собственности у огромного большинства общества.*

Одним словом, вы упрекаете нас в том, что мы хотим уничтожить *вашу* собственность. Да, мы действительно хотим это сделать.

С того момента, когда нельзя будет более превращать труд в капитал, в деньги, в земельную ренту, короче – в общественную силу, которую можно монополизировать, то есть с того момента, когда личная собственность не сможет более превращаться в *буржуазную* собственность, – с этого момента, заявляете вы, личность уничтожена.

Вы сознаетесь, следовательно, что личностью вы не признаете никого, кроме *буржуа*, то есть буржуазного собственника. Такая личность действительно должна быть уничтожена.

Коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения общественных продуктов, он отнимает лишь возможность посредством этого присвоения поработать чужой труд.

Выдвигали возражение, будто с уничтожением частной собственности прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень.

В таком случае буржуазное общество должно было бы давно погибнуть от лени, ибо здесь тот, кто трудится, ничего не приобретает, а тот, кто приобретает, не трудится. Все эти опасения сводятся к тавтологии, что нет больше наемного труда, раз не существует больше капитала.²⁶

Все возражения, направленные против коммунистического способа присвоения и производства материальных продуктов, распространяются также на присвоение и производство продуктов умственного труда. Подобно тому как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового образования для нее равносильно уничтожению образования вообще.

²⁶ От того факта, что капитал стал государственным, а класс капиталистов сменился классом партийно-государственной бюрократии, капитализм, то есть эксплуатация наемного труда с целью извлечения прибыли, не перестал существовать. Советская государственная буржуазия реально осознала себя как класс после превращения власти Советов рабочих и крестьян в пустую формальность, после того как реальная власть перекочевала в исполнительные комитеты, министерства и в партийные кабинеты высшего руководства. От имени трудящихся, их именем новая «социалистическая буржуазия» творила беззакония и уничтожала социализм (см. например подлинные причины «Ленинградского дела», А.В.Сушков). А ведь это и есть государственный аппарат сталинской империи. При этом большинство коммунистов и беспартийных, рабочих, инженеров, крестьян, ученых, искренне верили в социализм и все силы отдавали на его строительство.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машинной технологии.

Но не спорьте с нами, оценивая при этом отмену буржуазной собственности с точки зрения ваших эгоцентричных представлений о свободе, образовании, праве и т.д. Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса.

Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами. Когда заходит речь о буржуазной собственности, вы не смеее более понять того, что кажется вам понятным в отношении собственности рабовладельческой или феодальной.

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Или вы упрекаете нас в том, что мы хотим прекратить эксплуатацию детей их родителями? Мы сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие для человека отношения.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Разве оно не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т.д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют характер воспитания, вырывают его из-под влияния господствующего класса.²⁷ При этом коммунисты отдают себе отчет, что современный финансовый капитал намеренно разрушает семью, традиционную школу, систему ценностей народа, которые вместе формируют национальное государство. Транснациональному капиталу не нужны народы, обладающие хорошим образованием, крепкими традициями, традиционным воспитанием, скрепленных в исторически устоявшиеся национальные образования. Образованные люди, с ценностями более основательными и древними, чем жажда наживы – угроза современному капитализму. Космополитическим корпорациям и банкам требуются территории, а не страны, безмозглое и безропотное, «расчеловеченное» население, а не народ. Коммунисты предлагают бороться с этим ползучим уничтожением семьи, человека и народа, носителя ценностей, далеких от мещанства.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата благодаря развитию глобальной капиталистической промышленности и инфраструктуры, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

²⁷ С момента развала СССР (1991) новые англо-американские либеральные «друзья» России и сочувствующие им внутри страны методично разрушают советское образование, отлично понимая, что его мощь долгие десятилетия удерживала нравственное и культурное превосходство социализма над мещанским капитализмом с одной стороны, и лидерство в научной и технологической сфере даже при нехватке финансирования, с другой стороны.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, – кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства предполагается предоставить в общее пользование, и, конечно, не может отрешиться от мысли, что и женщин постигнет та же участь.

Он даже и не подозревает, что речь идет как раз об устранении такого положения женщины, когда она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высокоморального ужаса наших буржуа по поводу мнимой официальной общности жен у коммунистов. Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда.

Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их наемных рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

Буржуазный брак является в действительности общностью жен. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, будто они хотят ввести вместо лицемерно-прикрытой общности жен официальную, открытую. Но ведь само собой разумеется, что с уничтожением нынешних производственных отношений исчезнет и вытекающая из них общность жен, то есть официальная и неофициальная проституция.

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, *он сам пока еще национален*, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия.²⁸

Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием глобальной капиталистической буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства, инфраструктуры, и соответствующих им условий жизни.²⁹

Господство пролетариата еще более ускорит исчезновение национальных особенностей, точнее переход в новое качество, когда национальные особенности будут не линией раздора, а линией объединения всех народностей человечества, каждая из которых есть уникальная мелодия общей симфонии языков и культур. Соединение усилий, по крайней мере цивилизованных (или так называемых развитых) стран,³⁰ есть одно из первых условий освобождения пролетариата (от мещанской национальной замкнутости и ограниченности).

В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой.

Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения.

²⁸ В сравнении с рабочим классом класс буржуазии, в особенности та его часть, что связана с глобальными банковскими, финансовыми операциями, совершенно лишена «национальной принадлежности», добывает процент и прибыль вне границ и государств. Однако это не мешает буржуазии, что характерно для ее мещанского эгоистического мировоззрения, финансировать и поддерживать наиболее бесноватые идеологии и идеи – нацистские, фашистские, расистские, – а также их «более научные» интерпретации: мальтузианство, неомальтузианство, планирование семьи, евгенику и т.п.

²⁹ Однако свободное движение капитала и рабочей силы по всему миру не исключает, что Родина навсегда остается в сердце и в сознании каждого воспитанного и культурного пролетария. Мещанину (буржуа) Родина не нужна, он ею готов торговать в любой момент, так как его родина – это его счет в банке.

³⁰ В сегодняшних условиях к цивилизованным странам охотнее можно было бы отнести те, народы которых уже имеют *практический опыт* социализма, со всеми его ошибками, промахами и победами, поскольку этот опыт ценнее любого теоретизирования.

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, – одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Наконец, сейчас, когда капитализм достиг высшей точки развития – империалистической стадии, - где господствует транснациональный финансовый капитал, им самим подготовлена его закономерная гибель. И сияющая *буржуазная* идея терпит крах по всем своим позициям. Следом за одолением вершины своей эволюции капитализм эпохи империализма обеспечивает невиданный уровень производства и инфраструктуры во многих регионах отраслях и завершает процесс саморазрушения, давно тлевший внутри, казалось, вечного и непобедимого капитализма буржуазии. Происходит закономерный демонтаж капитализма.

За капитализмом следует коммунизм в его ранней стадии, социализм. Точка кристаллизации социализма – сетевые мощности глобальной инфраструктуры, торговой, банковской, финансовой, транспортной, энергетической, коммуникационной, - единая координирующая деятельность которых несовместима с индивидуалистическим эгоизмом капитализма, узколобым мышлением буржуа, раба собственности. Закономерно поэтому, что идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции, которое в период капитализма означало наличие обширного рынка религий и сект на любой выбор.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т.д., конечно, изменялись в ходе исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении.

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т.д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех донине существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Неудивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.³¹

³¹ Вместо *двойных* форм общественного сознания, одна для рабочего класса, другая для класса буржуазии, остаются мораль, философия, право, наука, искусство и идеология исторически передового класса, класса вчерашних наемных работников физического и умственного труда, отдающих свой прибавочный труд капиталисту.

Оставим, однако, возражения буржуазии против коммунизма.

Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все средства производства и инфраструктуры в руках государства, то есть пролетариата, организованного как ведущий общественный класс, и скорейшим образом увеличить сумму и мощь производительных сил, как в сфере производства и обмена, так и в пространстве *жизненного процесса рабочих*, находящегося за рамками *наемного* создания и движения потоков стоимости.

Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, то есть при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства.

Эти мероприятия будут, конечно, различны по масштабу и скорости в различных странах, включая те, что имеют практический опыт государственного социализма.

Однако в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности, то есть принудительное безвозмездное или возмездное отчуждение собственности на землю государством и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов на единую сетевую инфраструктуру производственного назначения и среды проживания человека.

2. Высокий прогрессивный налог. Отмена права наследования. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

3. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом, с исключительной монополией регулирования денежного обращения и внешней торговли на период перехода от денежной к безденежной экономике и далее.

4. Безусловное подчинение государству победившего пролетариата всей денежной системы, как важнейшей составной части инфраструктуры,³² *числовой экономической инфраструктуры*³³ при безусловной прозрачности для трудящегося народа всех денежных, финансовых потоков. Отмена так называемой банковской тайны.

5. Централизация всего транспорта, энергетики, связи в руках государства.

6. Увеличение числа государственных предприятий, фабрик, заводов,

³² Вчерашнее представление о денежной системе, как о некоем божественном даре капиталистов, унаследованном от прежних эксплуататоров рабского и наемного труда, должно быть критически пересмотрено и исправлено. Денежная система в понимании коммунистов есть элемент инфраструктуры общественного производства, адекватно и корректно отражающий в *числовом выражении* создание и движение стоимостей в экономике. «Денежные» единицы при социализме представляют собой *числовой инструмент* измерения стоимостей, а не орудие накопления богатства собственниками средств производства. Иначе «чудесные» метафизические свойства денег опять поработят тружеников умственного и физического труда, превратив их в наемных рабов. Еще раз: деньги – лишь *численное* выражение времени, затраченного на производство товара, и самостоятельной стоимости, то есть *ценности*, они не имеют. Деньги – это счетные палочки для первоклашек, если упростить аналогию.

³³ Банковская сеть, по существу, есть система учета экономики, если она правдиво отражает создание и движение стоимостей в экономике. Соответственно, все паразитические банковские, финансовые, страховые, биржевые структуры, занимающиеся «возгонкой» фальшивых финансовых цифр и являющиеся избыточными для цифровой экономической инфраструктуры народного хозяйства, при переходе к социализму должны быть ликвидированы после сплошной проверки законности операций, на принципах полной прозрачности и открытости данных для населения.

инфраструктурных мощностей (энергетика, транспорт, связь, банки), орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану, при безусловной национализации всех захваченных корпорациями с помощью финансовых долговых мошенничеств ключевых и вспомогательных отраслей и предприятий народного хозяйства.

7. Народное хозяйство открыто внутри себя в масштабах всего воспроизводственного цикла (производства и обмена). Сети инфраструктуры и материального производства соединены в общие продуктовые, обменные и распределительные цепочки при плановой организации экономики.

8. Прозрачность государственного управления в режиме реального времени во всех аспектах для граждан на всех уровнях: бюджет, налоги, финансы, банковская сеть, торговля, транспорт, связь, энергетика, производство информации. Сети инфраструктуры, интегрированные с управленческими сетями, учитывают и реализуют правильные пропорции между материальным производством, инфраструктурой и нематериальным производством (сферой услуг).

9. Обновленная система организации и управления народным хозяйством обеспечивает обязательность обучения большинства граждан практическому управлению государственным механизмом и народным хозяйством с переходом к повсеместному самоуправлению на новейшей сетевой автоматизированной технической базе.

10. Одинаковая обязательность труда для всех, организация промышленных армий, включающих обеспечение новейшей техникой, технологией и специалистами для наиболее отстающих отраслей экономики, в особенности для земледелия (то есть ускоренная, по-военному организованная, совершенная индустриализация, насыщение новейшей техникой и технологией сельскохозяйственной и других отраслей).

11. Соединение земледелия с высокотехнологичной промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней. Требуется изучить опыт и выработать оптимальный размер и плотность людских поселений, преодолевающих паразитическую сущность буржуазного капиталистического города и идиотизм неразвиваемой деревенской жизни, соединяющих в себе самодостаточность деревенского воспроизводства с развитой средой городского поселения.

12. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Полный отказ от буржуазных методик отупляющего образования. Устранение фабричного труда детей в любой его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т.д.

Когда в ходе развития прозрачного сетевого народного хозяйства и государственного управления, эволюционирующего к широкому высокотехнологичному самоуправлению народа, исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках объединенных по общности *экономических* интересов людей, тогда публичная власть *потеряет свой политический* характер. Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против *буржуазии* непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и *в качестве господствующего класса* силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и свое собственное господство как класса, политику как таковую.

На место старого *буржуазного* общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, или *самоуправляемая общность людей*, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

III. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. РЕАКЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

а) ФЕОДАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Коль скоро речь идет о литературе *феодалного социализма*, то ее практически нет в настоящее время, поскольку во всем мире вряд ли можно сыскать территорию, где господствует феодальный способ производства. Теперь феодализм – это прошлое.

И было бы нелепо наблюдать литературный обстрел крепостей состоявшегося социализма со всеми его недостатками из окопов далекого прошлого, из феодального.

Сегодня феодальный социализм возможен скорее, как курьез. Время и пространство феодализма за XIX-XX века катастрофически сжалось. Такой экзотический деградирующий «социализм» мог возникнуть лишь как временное явление в тех странах и территориях, которые пережили крушение социалистического способа производства в течение последних сорока лет, где наблюдается обратный ход исторического процесса. Здесь могут воспроизводиться худшие образцы феодальных общественных отношений с частично сохранившимися «фрагментами социализма».

Кроме того, бросаются в глаза такие островки феодальных отношений на территориях, подчиненных в прямом смысле крупным империалистическим образованиям. Отношения вассалитета, зависимости от господствующей в мире финансовой империи, могут вызывать только брезгливость и недоумение, как и воссоздание монархии, к примеру, в какой-нибудь бывшей социалистической республике Европы, или военной деспотии в крайне запущенной территории в Африке.

Обитающие в таких заповедниках «аристократические мещане», как возможные источники новой реакционной литературы, не столь опасны для магистрального направления движения коммунизма. Вассальная капиталистическая «аристократия» всех континентов – самая отсталая часть класса капиталистов. Рассчитывать на ее критический литературный талант в отношении социализма или теперешнего капитализма не приходится.

Мыслящая по-феодалному аристократия задворков мирового хозяйства тысячами нитей срослась с местной и международной государственной бюрократией, давно уже стала единым целым с владельцами международных корпораций и банков, то есть частью всей современной буржуазии.

Господа-вассалы ни пишут, ни говорят что-либо об интересах эксплуатируемого рабочего класса, который сейчас бесправен как никогда. Напротив, эта «аристократия» олигархов и чиновников довольствуется тем, что победила, как ей кажется, у себя мировой социализм и теперь нет нужды сочинять пасквилы о канувшем в лету передовом способе производства, распространять зловоние клеветы на социалистическую идеологию, на мировое рабочее и коммунистическое движение. Можно доверить эту грязную ежедневную работу журналистской службе из глобальных средств массовой информации.

Удручающая мелодия выпрыгивающего из прошлого феодального социализма: наполовину похоронная песнь – наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого – наполовину угроза будущему социализму, пытающаяся поразить мировое рабочее движение в самое сердце самым фактом нелепости своего существования в глобальном капитализме, но всегда производящая трагикомическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории.

Феодальный социализм в XX веке еще не предел поиска путей «социализма» мелкобуржуазными практиками. Есть факты воспроизводства черт рабовладельческого строя внутри социалистических стран, о которых человечество узнало после разгрома

бесчеловечной диктатуры красных кхмеров в Камбодже. Даже в Китае, в определенные периоды его истории XX века социализм с китайской спецификой демонстрировал миру характерные особенности рабского способа производства, скажем, в коммунах времен культурной революции и большого скачка. Критическая литература тех лет естественно отрицала опыт революции в России и практику строительства социализма в Европе после разгрома фашизма в 1945 году.

Неразвитость производительных сил, отсталость, массовая безграмотность большинства крестьянского населения в таких территориях обуславливает незрелость местных социалистических воззрений. Излишняя и беспощадная торопливость в построении социализма при незнании и непонимании объективных законов развития экономики и общества приводит к таким трагичным результатам, как массовая гибель людей, разрушение экономики и общественных связей, отбрасывает страну в прошлое.

При этом сторонники подобных революция представляют собой самых «критических критиков» социализма уже создаваемого, упрекают его в буржуазности, не имея у себя даже достаточной численности наиболее революционного, промышленного пролетариата. А в будущем они, скорее, будут готовы заключать сделки с «дьяволом капитализма», лишь бы насолить соседу с неправильным социализмом, чем укрепить ряды борцов за коммунизм.

Поэтому в политической практике такие борцы принимают участие во всех эксплуататорских мероприятиях в отношении рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки всей своей напыщенной социалистической фразеологии, не упускают случая подобрать золотые яблоки, падающие с древа корпоративной капиталистической промышленности и променять верность, любовь, честь на барыш от глобальной торговли оружием, высокотехнологической продукцией, кредитами и транспортными проектами.

В том же ключе, как тени из далекого прошлого, выступают патриотические адвокаты монархического правления и религиозного засилья. Нелепые в новом времени шайки ряженых монархистов и попов, ратующих за возврат «вперед – в прошлое», порой, также пытаются соединить социализм со всем этим доисторическим реквизитом.

Опять-таки, неразвитость производительных сил общества и отстающие даже от капитализма производственные отношения, дают шанс отжившим социальным формам попытаться счастья в споре с успешной практикой социализма, во-первых, и в попытке отстранить проверенный временем строй общественной собственности на средства производства своими религиозными, монархическими, феодальными экспериментами. Все это играет на руку мировому капитализму и засоряет общественное сознание нежизненными и ненаучными полуфабрикатами общественно-политической мысли, или философии.

Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным.

Нет ничего легче, как придать христианскому, иудейскому, мусульманскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм, как и любой другой религиозно-социалистический посыл – это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа, чиновника или олигарха.

в) МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Реликтовая феодальная аристократия – не единственный ниспровергнутый (или втянутый в общую гонку за прибыль) буржуазией класс, условия жизни которого в современном буржуазном обществе ухудшались и отмирали. Средневековое сословие

горожан и сословие мелких крестьян, бывшее предшественниками современной буржуазии городов, сменилось массами промышленных рабочих, служащих, лиц свободных профессий. Даже в странах, менее развитых в отношении производства и обмена, класс этот практически сошел со сцены или пополнил ряды земельных и финансовых рантье рядом с обычной развивающейся буржуазией промышленников, торговцев и банкиров.

В тех странах, где развилась современная городская цивилизация, образовалась – и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь воспроизводится – новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата. И они воочию наблюдают приближение того момента, когда с развитием крупного машинного производства не только в промышленности и отраслях инфраструктуры, но и в сфере услуг они совершенно исчезают как самостоятельная и довольно многочисленная часть современного общества, особенно в наиболее развитых в технологическом отношении странах. Эти носители мелкособственнической идеологии, мелкие буржуа, с ужасом ощущают скорое окончание эры капитализма, торопит которое растущая концентрация капиталов в сфере производства и обмена. Пролетаризация наемных служащих, лиц свободных профессий мощным катком движется по многим странам. Крупному капиталу планетарного масштаба не нужны лишние едоки, ставшие уже отработанным материалом истории.

В таких странах, как Индия, Китай, где крестьянство до недавнего времени составляло гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения.³⁴ Так возник и всякий раз воспроизводился мелкобуржуазный социализм. Сисмонди, стоявшего во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии XIX века, сменил Мао Дзедун, находивший отклик своим литературным и пропагандистским исканиям у социалистов и коммунистов XX века в таких же слаборазвитых, аграрных, доиндустриальных странах или в среде весьма активной недообразованной, жаждущей немедленной революции молодежи, на всех континентах.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказывал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей.

Но по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или – вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен и так близок поэтому к анархизму.³⁵

Если цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство – были последним словом такого социализма в XIX веке, то в XX веке эта идиллия хозяев

³⁴ Наиболее частые авторы от мелкобуржуазного социализма происходили чаще всего из крестьянских в основном, слабо урбанизированных, как правило, неиндустриализированных стран, какими были в первой четверти XX века Китай, Индия, Вьетнам и Камбоджа.

³⁵ Это доказывает пример Камбоджи при правлении «красных кхмеров».

некрупной промышленности и торговли, собственников небольших предприятий, мелких лавочников выродилась в зверскую идеологию национал-социализма. А в основании этой «вершины» мелкобуржуазности стояли цивилизованные европейские литераторы типа Ж.Прудона и Э.Бернштейна.

Прочие социалисты-демократы и социал-реформаторы в конечном итоге своего соглашательства с капиталом и отказа от действительно революционных идей – классовой борьбы, общественной собственности на средства производства, диктатуры пролетариата, национализации земли и прочих, добрели до открытого шовинизма, до поддержки своих буржуазных правительств во время первой мировой войны и до участия в этих правительствах в качестве министров.

с) ЕВРОПЕЙСКИЙ, ИЛИ «ИСТИННЫЙ», СОЦИАЛИЗМ

Социалистическая и коммунистическая литература (революционного марксизма и ленинизма), возникшая (в ходе борьбы и низвержения капитализма во Франции (1871), а затем в России (1917)) под гнетом господствующей буржуазии и являющаяся литературным выражением борьбы против этого господства, была перенесена в (большую Европу, далее в Азию и Америку) в такое время, когда буржуазия там уже завершила свою борьбу против последних монархических империй и остатков феодального абсолютизма.

Европейские философы, полуфилософы и любители красивой фразы жадно ухватились за эту литературу, забыв только, что с перенесением этих сочинений из Европы в остальной мир туда не были одновременно перенесены и революционный дух, и новые революционные условия жизни в стране победившей диктатуры пролетариата. В европейских социал-демократических и социал-реформистских условиях (евромарксистская) литература утратила все непосредственное практическое значение и приняла вид чисто литературного течения. Она приобрела характер досужего мудрствования об осуществлении человеческой сущности и бесконечного поучения о том, каким должен быть истинный социализм, как к нему двигаться и как завоевывать власть или мирно сосуществовать с капиталистами. Так, требования революционной Парижской Коммуны XIX века и русской Октябрьской Революции XX века для европейских философов XIX-XX века имели смысл лишь как требования умеренного реформами и демократией социализма, «практического разума» вообще, а проявления воли революционного французского и российского пролетариата и передовой части буржуазии в их глазах имели значение законов чистой воли, воли, какой она должна быть, истинно человеческой воли.

Вся работа европейских, в основном социалистических литераторов состояла исключительно в том, чтобы примирить новые марксистские и ленинские идеи со своей устаревшей уже философской совестью или, вернее, в том, чтобы усвоить марксизм, проверенный революционной практикой первичной формы социализма со своей философской точки зрения.

Это усвоение произошло таким же образом, каким вообще усваивают чужой язык, путем перевода.³⁶

Трудности перевода с языка революционного, восходящего социализма, на язык «диванного» европейского и (теперь уже) американского социализма постоянно преследуют социалистических литераторов и даже передовых «социалистических мыслящих» ученых,

³⁶ Чужим этот «революционный язык» долгое время оставался и остается для евросоциалистов, полагающих социализм, свершившийся, к примеру, в Советской России неправильным, неклассическим, ненаучным, поскольку он не укладывается в их теоретические представления о социализме, о коммунизме и о практической реализации идей марксизма вообще, как в части диктатуры пролетариата, так и в части экономических законов нового общества.

постоянно приводя их в мещанский тупик.

«Кафедральных социалистов» на окладе и маститых марксистских ученых отпугивает *грубый язык революционного марксизма-ленинизма*, в особенности четкое и бескомпромиссное решение вопроса собственности на средства производства.

Известно, что на манускриптах, содержащих классические произведения языческой древности, монахи поверх текста писали нелепые жизнеописания католических святых. Европейские литераторы поступили с нечестивой марксистско-ленинской литературой как раз наоборот. Под российский революционный оригинал практической революции они вписывают свою философскую социалистическую чепуху. Например, под ленинскую критику империализма и финансового капитала, как ядра современных денежных отношений, они вписали «ультраимпериализм», преодолевший якобы пороки капитализма, под марксистскую критику буржуазного государства – «усиление роли государства в связи с общим кризисом капитализма» или отказ от диктатуры пролетариата, замену политической борьбы пролетариата парламентаризмом, то есть реформизмом от партий, замещающих и заменяющих собой рабочий класс в политике и т.д.³⁷

Это подсовывание под марксизм-ленинизм своей философской околосоциалистической фразеологии они именуют *«теорией малых дел»*, *«полицейски дозволенного реформаторства»*, *«философией действия»*, *«истинным социализмом»*, *«европейской наукой демократического социализма, или социалистического демократизма»*, *«философским обоснованием социализма»* только, упаси Бог, не диктатурой пролетариата и т. д.

Марксистско-ленинская, как проверенная практикой, социалистическая и коммунистическая литература была таким образом совершенно выхолощена. и так как в руках просвещенного европейца она перестала выражать борьбу одного класса против другого, то мещанский европеец был убежден, что он *поднялся выше «марксистско-ленинской односторонности и материалистической грубости»*, что он отстаивает, вместо истинных потребностей, потребность в истине, а вместо интересов пролетариата – интересы человеческой сущности, интересы человека вообще называемые теперь *«общечеловеческими ценностями»*, человека, который не принадлежит ни к какому классу и вообще существует не в действительности, а в туманных небесах философской фантазии.

Этот условно европейский социализм Социинтерна-II, Социинтерна-II^{1/2} и Социинтерна-1951,³⁸ считавший свои уже далеко не беспомощные теоретические упражнения столь серьезными и важными и так крикливо их рекламировавший, потерял мало-помалу свою социалистическую невинность, продавшись капиталу через участие в буржуазных правительствах войны и через «патриотическую» защиту национального капитала, а не всемирного пролетариата, и через финансирование буржуазных партий.

Борьба европейской и американской, особенно английской, немецкой, французской, буржуазии против остатков феодализма и абсолютной монархии – одним словом либеральное движение – становилась все серьезнее, и завершившись, переключилась в наши дни на

³⁷ Е.Дюринг, К.Каутский, Э.Бернштейн, О.Бем-Баверк, Р.Гильфердинг и их многочисленные последователи в XX веке плотно вросли в идеологию и политическую практику II и II^{1/2} Интернационалов, что привело партии Социинтерна прямо к поддержке первой мировой войны, а затем при их попустительстве, к приходу к власти фашистов в Германии, к примеру.

³⁸ Социалистический интернационал был воссоздан в 1951 году во Франкфурте-на-Майне (Германия). Позднее (2013) создан Прогрессивный альянс – международная конфедерация политических партий и движений, близких к СДПГ и Прогрессивному альянсу социалистов и демократов Европейского союза.

Видимо, Прогрессивный альянс нужен был для оформления союза Социинтерна и Демократической партии США. Привлеченные американскими спонсорами средства позволили значительно снизить расходы партий-членов по сравнению с Социалистическим Интернационалом.

уничтожение массового среднего класса, выросшего на дрожжах империализма и идейно оформившегося в социалистические интернационалы и их анархические и демократические клоны. Средний класс теперь проходит стадию пролетаризации, быстрее всего в развитых странах Европы, Америки, Азии и т.д.

«Истинному» социализму представился, таким образом, желанный случай противопоставить политическому движению социалистические требования, *предавать* традиционным проклятиям неолиберализм, представительное государство, буржуазную конкуренцию, буржуазную свободу печати, буржуазное право, буржуазную свободу и равенство и проповедовать народной массе, что в этом буржуазном движении она не может ничего выиграть, но, напротив, рискует все потерять. европейский социализм весьма кстати забывал, что марксистско-ленинская критика, жалким отголоском которой он стал, предполагала современное буржуазное общество с соответствующими ему материальными условиями жизни и соответственной политической конституцией, т.е. как раз все те предпосылки, о завоевании которых в Европе, Азии, Австралии и Америке только еще шла речь.

Европейским абсолютным правительствам, старым буржуазным и «новым», отпавшим от мирового социализма в 1989-1990 годах, с их свитой попов, школьных наставников, заскоружных юнкеров и бюрократов, он служил кстати подвернувшимся пугалом против угрожающе наступающей буржуазии крупных корпораций и банков.

Он, «истинный» социализм, был подслащенным дополнением к горечи плетей, тюрем и ружейных пуль, которыми эти правительства усмиряли восстания европейских рабочих, соблазняли и растлевали социалистические общества Европы и Азии буржуазными сладостями.

Если «истинный» социализм становился таким образом оружием в руках правительств против европейской транснациональной, или «безнациональной» буржуазии, то он и непосредственно служил выражением реакционных интересов, интересов европейского, точнее, международного класса буржуазии. В Европе действительную общественную основу существующего порядка вещей составляет мелкая буржуазия, унаследованная от XVI века и с того времени постоянно вновь появляющаяся в той или иной форме всеподавляющего мещанства с местечковым же взглядом на мир.

Сохранение среднего класса, как «наследника» мелкой буржуазии, равносильно сохранению существующего в Европе порядка вещей. От промышленного и политического господства буржуазии средний класс со страхом ждет своей верной гибели, с одной стороны, вследствие всемирной уже концентрации капитала, с другой – вследствие не столько роста революционного пролетариата, сколько собственного превращения в пролетариев. Ему, среднему классу, казалось, что «истинный» социализм одним выстрелом убивает двух зайцев. И «истинный» социализм Социалистического интернационала (Первого, Второго с половиной, образца 1951 года), Прогрессивного Альянса, Европейских Левых распространялся как зараза.

Вытканный из умозрительной паутины социал-демократизма и реформизма, экологизма, расшитый причудливыми цветами красноречия, пропитанный слезами слащавого умиления, этот мистический покров, которым европейские социалисты прикрывали пару своих тощих «вечных истин», только увеличивал сбыт их просроченного идеологического товара среди этой публики.

Со своей стороны, европейский социализм все более понимал свое призвание быть высокопарным представителем этого мещанства, многомиллионного среднего класса, этой научно-социологической химеры эпохи империализма.

Он полагает Европейский союз образцовой «нацией», а европейского буржуа – образцом человека, выпестованного по своему подобию американским империализмом после 1945 года. Каждой его низости он придавал сокровенный, возвышенный социалистический

смысл, превращавший ее в нечто ей совершенно противоположное. Последовательный до конца, он открыто выступал против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и возвестил, что сам он в своем величественном беспристрастии стоит выше всякой классовой борьбы. За весьма немногими исключениями все, что циркулирует в Европе, а также в Азии, Австралии и Америке в качестве якобы социалистических и коммунистических сочинений, принадлежит к этой грязной, расслабляющей литературе.³⁹

2. КОНСЕРВАТИВНЫЙ, ИЛИ БУРЖУАЗНЫЙ, СОЦИАЛИЗМ

Известная часть «социалистической» буржуазии, обложившей как руководство СССР⁴⁰, так и руководство КНР, копировавшего сталинский социализм с добавлением своей мелкобуржуазной специфики, желало и продолжает желать излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование для себя «внутреннего» буржуазного общества уже в социалистической оболочке. Такое общество, формально оставаясь социалистическим, давно уже поражено *буржуазностью*, потребительским духом, жадной наживы и прочими атрибутами капитализма. Такой «консервативный социализм» разлагает все формы общественного сознания, саму жизнь всякого социалистического общества.

Сюда, в эти «лекарши социализма», относятся экономисты-рыночники, филантропы налоговых льгот, поборники гуманного социализма, радители о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, революционеры-экологи, основатели обществ трезвости, социалистические реформаторы и певцы демократического социализма самых разнообразных видов. Этот мещанский, буржуазный социализм разрабатывался даже в целые системы «развитого социализма», «рыночного социализма», «демократического социализма» в странах уже избравших движение в коммунизм.

³⁹ Революционная буря 1848 г. унесла все это гнусное направление и отбила охоту у его носителей спекулировать социализмом. Главным представителем и классическим типом этого направления является г-н Карл Грюн. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.). Революционные бури 1871 года (Франция) и 1917 года (Россия) обогатили социалистическую мысль, продвинули теорию социализма и коммунизма далеко вперед. Даже несмотря на контрреволюционную бурю 1989-1991 годов, после падения СССР и социалистического содружества, марксизм-ленинизм не умер, а остается единственным жизнеспособным учением, имеющим практический опыт победоносного хотя и не полноценного социализма. Этот социализм нуждается в обновлении, переосмыслении всех периодов борьбы, побед и поражений XIX-XX веков и в продолжении своего неотвратимого наступления в новом веке.

⁴⁰ Большинство стран социализма, вставших на путь строительства новой социальной системы, все-таки находились под сильным влиянием теории и практики советского социализма, в особенности сложившегося после смерти В.Ленина и укрепившегося в годы правления И.Сталина. Во многом их социализм был зависимым, в прямом и переносном смысле от величайшей империи государственного социализма. Поэтому обозначить явление буржуазного, или консервативного социализма лучше в его наиболее ярких проявлениях – СССР и КНР. Именно в СССР стали воочию видны мещанская, паразитическая сущность партийных и государственных вельмож, поставивших себя и над партией, и над народом. И.Сталин сплотил эту имперскую касту под страхом репрессий и расстрелов, сформировал этот паразитический класс, Н.Хрущев дал им неприкосновенность и безнаказанность правящего класса, осознавшего *свои* интересы, Л.Брежнев сделал эту верхушку закрытой, самовоспроизводящейся «элитой стада», Ю.Андропов подготовил полный демонтаж социализма сверху, а М.Горбачев, как настоящий «сусанин» собрал всю эту крысиную свору и увел за собой в небытие, одновременно «обезвредил бомбу», заложенную И.Сталиным под советскую власть рабочих и крестьян «единым, могучим» Союзом в декабре 1922 года. Так, государственный социализм, или социализм, существующий в полном смысле для государства, для государственного аппарата, выродился в империю под красным стягом власти рабочих и крестьян. Распад имперского союза, начавшийся 30.12.1922, завершился 08.12.1991. Союз разлетелся в клочья. Империя, достигла своего пика к началу 1950-х, когда СССР контролировал вместе с США полмира, а потом распалась за сорок лет, как распадаются все империи, от неспособности паразитической верхушки имперской пирамиды гибко реагировать, генерировать идеи, обновлять социальную и экономическую систему, называемую ими социализмом.

В качестве примера приведем Третью программу Коммунистической партии Советского Союза (1961), из которой исчезло понятие диктатуры пролетариата⁴¹, но осталась диктатура как форма правления исключительно для капиталистических монополий (диктатура буржуазии). А Конституция «развитого социализма» в СССР (1977)? Этот литературный памятник буржуазного социализма, закрепил руководящую и направляющую роль КПСС, точнее ее престарелой верхушки в деле строительства коммунизма. Но что могли построить выживающие из ума, вельможные обитатели партийной синекуры?

Буржуа-социалисты хотели сохранить условия существования современного им общества, разделенного на вождей и «массы», но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают, сохранить монополию партийной верхушки на власть. Они и сейчас, к примеру, в Китае, где правит коммунистическая партия, хотят сохранить современное общество, однако, без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь «социалистическую буржуазию» без самостоятельного и активного пролетариата. Тот мир, в котором господствует партийная и государственная социалистическая буржуазия, конечно, кажется ей самым лучшим из миров.

Буржуазный социализм разрабатывает это утешительное представление в более или менее цельную систему.⁴² Приглашая пролетариат осуществить его систему и войти в новый «Цифровой Иерусалим», он в сущности требует только, чтобы пролетариат оставался в теперешнем обществе, но отбросил свое представление о нем, как о чем-то ненавистном.

Другая, менее систематическая, но более практическая форма этого социализма стремилась к тому, чтобы внушить рабочему классу отрицательное отношение ко всякому революционному движению, доказывая, что ему может быть полезно не то или другое политическое преобразование, а лишь изменение материальных условий жизни, экономических отношений⁴³. Однако под изменением материальных условий жизни этот социализм понимает отнюдь не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений, следовательно, ничего не

⁴¹ К этому времени КПСС уже перестала быть передовым отрядом борющегося за социализм пролетариата, она перестала быть партией решения задач пролетариата, а превратилась в партию, обслуживающую нужды верхнего слоя партийного и государственного чиновничества, что означало вырождение этой партии, как организации революционного рабочего класса, класса тружеников промышленности, сельского хозяйства, науки, сферы обслуживания. Установилась диктатура верхушки партии над пролетариатом, а партийные сановники стали правящей кастой общества. И даже сотня крупнейших ученых и специалистов в течение трех лет писавших Третью программу коммунистической партии для XXII съезда, как ответ на мощнейший запрос общества на обновление социализма, не смогли отменить паразитизма и идейного разложения руководства партийно-государственного аппарата. Недалекими партийными старцами, как оказалось, манипулирует буржуазно мыслящая поросль «социал-демократов», «еврокоммунистов» и прочей контрреволюционной гнили, окопавшейся в недрах КПСС и государственного аппарата. Вместо диктатуры пролетариата теперь – общенародное государство, абстракция, говорящая о том, что «общий народ» есть принадлежность некоего государства.

⁴² Например, для Китайской народной республики это *система социального кредита (рейтинга)* - система оценки отдельных граждан или организаций по различным параметрам, значения которых получаются с помощью инструментов массового наблюдения и использующих технологию анализа больших данных. Впервые начала реализовываться правительством Китая в 2010-х годах. Вкупе с великодержавным национализмом, обусловленным господством буржуазных отношений в этом социалистическом обществе, компартия Китая готовит большой социальный взрыв, слабые сполохи которого едва пробиваются через фильтрованный партией интернет.

⁴³ Вот пошлейшая программа консервативного социализма: оппортунизм, реформизм, идиотизм, расчет на тупость и неграмотность наемных работников физического и умственного труда, словом, современного рабочего класса. Рабочий класс лишен главного сегодня оружия для себя – Информации и Знаний, в особенности марксистской политэкономии и диалектического материализма, без которых победа социализма и коммунизма прежде всего в массовом сознании рабочего класса всех отраслей не будет обеспечена.

изменяющие в отношениях между капиталом в лице социалистического государства, его мега-корпораций и наемным трудом, в лучшем же случае – лишь сокращающие для социалистической буржуазии издержки ее господства и упрощающие ее государственное хозяйство, превращающие такой социализм в мертвые «консервы».

Самое подходящее для себя выражение буржуазный социализм находит только тогда, когда превращается в простой ораторский оборот речи.

Свободная торговля! в интересах рабочего класса; покровительственные пошлины! в интересах рабочего класса; одиночные тюрьмы! в интересах рабочего класса; система социального кредита в цифровом государстве! в интересах рабочего класса – вот последнее, единственно сказанное всерьез, слово буржуазного социализма.

Социализм буржуазии заключается как раз в утверждении, что партийные и государственные буржуа являются буржуа, – в интересах рабочего класса.

3. КРИТИЧЕСКИ-УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ

Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабёфа и т. д.).

Скорее, следует говорить о более свежих примерах литературы и других массовых источников информации, причисляемых, видимо, по недоразумению к социалистическим и коммунистическим, но по существу критически относящимся и к социализму как к науке, и к коммунистической утопии вообще.

В XX веке роль поклонников А.Сен-Симона и Р.Оуэна, как пропагандистов утопических Проектов лучшего будущего, взяли на себя партийные пропагандисты и теоретики различных интернационалов – от анархистов и пиратов до социалистических, христианских, демократических, либеральных и экологических глобальных утопистов. Есть даже антикоммунистическая лига. При всем их многообразии все эти партии и группы, объединенные в интернациональные альянсы, не служат пролетариату в борьбе с капитализмом, а все более вырождаются в секты. Их «критичность» состоит не в критике существа капиталистического способа производства и эксплуатации людей ради прибылей, а в пустяшной критике несущественных сторон господствующего буржуазного строя, строя торговцев рабочей силой.

Теперь эти «секты-партии», работающие в том числе как предвыборные «проекты», размножились, стали глобальными, всемирными, но все более похожими на деловые предприятия, торгующие в том числе идеями социализма и коммунизма. Продают они ту же «линейку продуктов», что и 1920-х годах: социал-реформизм, этический и религиозный социализм, экологический и гуманный социализм, демократический социализм, экономическая демократия и поновее – цифровой коммунизм.

Однако по большей части все это умозрительные, чаще остающиеся «теорией», околонучные идеи и представления о будущем обществе, никогда не находят реализации на практике, так как основные идеи социализма чаще всего отвергаются. Именно классовая борьба, социальная революция, диктатура пролетариата, общественная собственность на средства производства, а также опыт советского социализма – исключены из их повестки. По этой причине большинство современных социалистов, представленных в подобных «интернационалах» смело можно называть утопистами.

Особенно интересен среди них Социалистический интернационал, считавшийся в известном смысле продолжателем дела Первого Интернационала и в определенной мере правопреемником Второго Интернационала, воссозданного из небытия в 1951 году во

Франкфурте (ФРГ),⁴⁴ а также антиподом Третьего⁴⁵ и Четвертого⁴⁶ интернационалов. Именно возрождение на базе западногерманской СДПГ⁴⁷ Второго Интернационала⁴⁸ стало новым этапом борьбы с социализмом, с СССР. Мировому капиталу не удалось победить первородный социализм XX века военным путем. Оставался один путь – взорвать реальный социализм изнутри с помощью замечательных утопий нового времени, предлагаемых Социнтерном и подобным ему организациями.

Очередные (после 1951 года) попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего волнения, в период опытов ниспровержения капиталистического общества, неизбежно терпели крушение вследствие политической неразвитости самого пролетариата (обусловленной, отчасти, лживостью программ и практики социалистических и рабочих партий, оболваненных очарованных величием и масштабом Социнтерна и переродившимся руководством КПСС⁴⁹), а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, *так как эти условия*

⁴⁴ Характерно, что с начала 1950-х годов начались наиболее активные операции ЦРУ США и их приспешников против СССР и стран социализма. Есть все основания полагать, что воссозданный Интернационал недалеко ушел от той организации, которую резко критиковал В. Ленин еще в 1914 году за их поддержку первой мировой войны. Поэтому не удивительно, что в п.10 Франкфуртской декларации (1951) можно прочесть такое: *«Международный коммунизм - инструмент нового империализма. Везде, где он достиг власти, он разрушал свободу или шанс обрести свободу. Он основан на милитаристской бюрократии и террористической полиции. Создавая вопиющие контрасты богатства и привилегий, он создал новое классовое общество. Принудительный труд играет важную роль в его экономической организации».*

⁴⁵ III Интернационал, или Коммунистический Интернационал. Образован в 1919 году в РСФСР.

⁴⁶ IV Интернационал был учрежден во Франции в 1938 году Л.Троцким и его сторонниками, считавшими, что Коминтерн находится под полным контролем сталинистов, и не способен вести международный рабочий класс к завоеванию им политической власти. Интернационал пострадал от раскола в 1940 году, а также от более значительного раскола в 1953 году.

⁴⁷ Немецкое националистическое Сопrotивление через А.Даллеса (будущий глава ЦРУ США) пыталось переубедить Рузвельта и Черчилля заставить Запад снять требование о безоговорочной капитуляции Германии. Первым из Берлина прибыл дипломат старинного дворянского происхождения Адам фон Тротт цу Зольц. Он ранее познакомился с У.Донованом, и у них установились хорошие отношения.

⁴⁸ В июне 1944 года фон Тротт прибыл в Стокгольм, где он встретился с молодым социалистом-эмигрантом Вилли Брандтом, проинформировал того о готовящемся перевороте в Германии и попросил будущего канцлера ФРГ «предоставить себя в распоряжение» нового германского правительства (Платошкин, 2017), с.152. Вот этот В.Брандт, социал-демократ, отсидевшийся Норвегии во время второй мировой войны, и оказался во главе Социнтерна в самый разгромный для СССР период – с 1976 по 1992 год. И если в Социнтерне связь партий с капиталом не была явной, то в Прогрессивном Альянсе (2013) тайное стало явным, Социнтерн – информационно-психологическое орудие мирового капитализма. Среди партий Прогрессивного альянса - Демократическая партия США, и, видимо, Прогрессивный альянс нужен был для оформления союза Социнтерна и Демократической партии США. Привлеченные американскими спонсорами средства позволили значительно снизить расходы партий-членов по сравнению с Социалистическим Интернационалом. Большинство из членов Прог-Альянса входили также в Социалистический интернационал, но отказ от социалистической идентичности в пользу «прогрессивизма» свидетельствует о дальнейшем движении социал-демократии к буржуазному центризму и ориентацией на союз с социал-либеральными силами, антикоммунистическими силами.

⁴⁹ КПСС – коммунистическая партия Советского Союза. После XX съезда КПСС (1956) и роспуска Коминформа (1956), наследника Коминтерна (ликвидированного И.Сталиным в 1943 году), пыталась реанимировать мировое коммунистическое и рабочее движение и проводила международные совещания коммунистических, социалистических и рабочих партий. Однако разрыв между официальной идеологией верхушки КПСС и материальными условиями существования давно уже переродившейся буржуазно-социалистической партии был настолько велик, что «условная ложь» КПСС быстро добивала саму возможность всемирного освобождения пролетариата. В недрах руководства КПСС уже созрело ядро «социал-демократических» и «еврокоммунистических» предателей рабочего класса, теоретизировавших в журнале «Проблемы мира и социализма» (создан в 1958-м) тиражом до 500 тысяч экземпляров на 28 языках в 145 странах (!) аж до 1990 года. Они «улучшили» даже тот, государственный социализм настолько, что от него к 1989 году ничего не осталось, ни в СССР, ни в социалистическом содружестве.

являются лишь продуктом буржуазной эпохи.

Революционная литература множества партий, проповедующих социализм (именно как утопию), сопровождавшая эти неоднократные движения пролетариата после побед октября 1917 года в России, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщее смирение с классовым обществом, эксплуатацией человека, переключая внимание на второстепенные вопросы: экологические проблемы, равенство женщин, права профсоюзов, участие в буржуазных правительствах и парламентах, увеличение социальных расходов в государственных бюджетах и т.д. Все это далеко от реальных проблем передачи власти и собственности в руки наемных работников, но ближе к благодным утопиям.

Собственно, социалистические и коммунистические системы, или, скорее, утопические (именно, от слова «утопить») системы от партий Социинтерна, (от социал-анархистов и либертарных социалистов, до либерал- и социал-демократов и пр.) возникают в последний, самый сложный период борьбы между пролетариатом и буржуазией, в Период господства финансового капитала банков и корпораций и превращение множества национальных государств в единый безликий городской народ.

Изобретатели этих систем, правда, видят противоположность классов, так же, как и действие разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят на стороне пролетариата никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения.

Так как развитие классового антагонизма идет рука об руку с развитием промышленности и инфраструктуры, то эти изобретатели утопий точно так же не могут еще найти материальных условий освобождения пролетариата и ищут такой социальной науки, таких социальных законов, которые создали бы эти условия.

Место общественной деятельности должна занять их личная изобретательская деятельность, место исторических условий освобождения – фантастические условия, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс – организация общества по придуманному ими рецепту. Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов-утопий, всякий раз улучшаемых под очередной виток усовершенствования всемирной империалистической эксплуатации.

Правда, они сознают, что в этих своих планах защищают главным образом интересы рабочего класса как наиболее страдающего класса. Только в качестве этого наиболее страдающего класса и существует для них пролетариат.

Однако не развиваемая, а подавляемая и удушаемая в объятиях форма классовой борьбы, а также их, социал-утопистов, собственное положение в жизни приводят к тому, что они считают себя стоящими высоко над этим классовым антагонизмом.

Они хотят улучшить положение всех членов общества, даже находящихся в самых лучших условиях. Поэтому они постоянно апеллируют ко всему обществу без различия и даже преимущественно – к господствующему классу. По их мнению, достаточно только понять их систему, чтобы признать ее самым лучшим планом самого лучшего из возможных обществ, который всегда оставался только (бумажной) утопией, но никогда практикой.

Они отвергают поэтому всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие; они хотят достигнуть своей цели мирным путем и пытаются посредством мелких (в этом так похожи все «социал-реформаторы» и «демократические социалисты») и, конечно, не удающихся опытов, силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию.⁵⁰

⁵⁰ Подобным и типично безвредным для империализма мегакорпораций является Проект «Венера». Данный проект - это некоммерческая международная неправительственная организация, созданная Ж.Фреско и

Это фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества.

Но в этих социалистических и коммунистических сочинениях: планах, программах, декларациях, теоретических упражнениях - содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих. Их положительные выводы насчет будущего общества, например, уничтожение противоположности между городом и деревней (уже вошедшее в теорию и практику социализма),⁵¹ уничтожение семьи, частной наживы, наемного труда,⁵² провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, – все эти положения выражают лишь *необходимость устранения классовой противоположности*, которая только что начинала развиваться и была известна им лишь в ее первичной бесформенной неопределенности. Поэтому и положения эти все еще имеют совершенно утопический характер, так как не беспокоят существенные стороны буржуазного способа производства – собственность на средства производства и механизм власти капитала.

Значение критически-утопического социализма и коммунизма *стоит в обратном отношении к историческому развитию*. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, *это фантастическое стремление возвыситься над ней*, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров, «коммунистических общин», кибуцев и т.п., об основании внутренних колоний,⁵³ об устройстве маленькой

Р.Медоуз и стремящаяся достигнуть мирной, устойчивой, постоянно и стабильно развивающейся глобальной цивилизации, через переход ко всемирной ресурсо-ориентированной экономике, всеобщей автоматизации, внедрению научных достижений во все области жизни человека и научной методологии принятия решений. Очевидно, что «Проект Венера» является «утопическим социализмом 21 века». Путь к преодолению экономических кризисов Ж.Фреско видит в уничтожении денежной системы. Предлагается альтернатива частной собственности на средства производства. Предполагается, что в результате просвещения и пояснения люди должны сознательно избрать предлагаемый «Проектом Венера» путь развития.

⁵¹ В английском издании 1888 г. это место сформулировано так: «Предлагаемые ими практические мероприятия, например, уничтожение различия между городом и деревней».

⁵² Как не критическое отрицание явлений – да, а как диалектический процесс, тут надо очень крепко думать еще, особо над эволюцией семьи после буржуазной эпохи. С собственностью покончить проще: сама структура нынешнего общественного производства, организованного как бесконечные сети и цепочки межотраслевых и межтерриториальных связей фактически преодолевают «отношения собственности» в снятом виде. «Юридическое оформление» общественной собственности

⁵³ «Home-colonies» (колониями внутри страны) Оуэн называл свои образцовые коммунистические общества. Фаланстерами назывались общественные дворцы, которые проектировал Фурье. Икарией называлась утопически-фантастическая страна, коммунистические учреждения которой описывал Кабе. (Примечание Энгельса к немецкому изданию 1890 г.). Вот типичная утопичная колония, «Дом» [«Home»] основанная в феврале 1896 года в США в 10 милях через Пьюджет-Саунд от Такомы, штат Вашингтон. Три анархиста основали «Дом». Это странное сообщество к 1901 году выросло до 90 жителей. В последующие годы уже 200 человек назвали «Дом» своим домом. Философия свободного духа привлекала радикальных знаменитостей, вольнодумцев, анархистов, коммунистов, сторонников диет, радикальных феминисток, сторонников свободной любви, трансвеститов, нудистов и других, которые не вписывались в традиционное общество. Все кончилось в

Икарии⁵⁴ – карманного издания нового Иерусалима, – и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков. Они постепенно опускаются в категорию описанных выше реакционных или консервативных буржуа-социалистов, отличаясь от них лишь более систематическим педантизмом и фанатической верой в чудодейственную силу своей социальной науки, в силу своих деклараций и партийных программ, окостеневших от догматизма.

Вот почему они с ожесточением выступают против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в какое-нибудь новое евангелие, а евангелие требует веры, а не знания и того понимания, которое нужно для усвоения научного социализма и коммунизма.

Если в XIX веке оуэнисты в Англии и фурьеристы во Франции выступали – первые против чартистов, вторые против реформистов,⁵⁵ то нынешние утописты XXI века из Социнтерна и подобных дискуссионных клубов выступали и продолжают выступать против того неправильного социализма, который был в СССР и странах социалистического содружества, а утописты из IV интернационала (Интернационал Л.Троцкого) на десятки разных ладов также агитируют против сталинского социализма, как не относящегося к подлинному марксистскому идеалу, и не имеют, не предлагают взамен основательной теории, приближающей к научному пониманию коммунизма.

IV. ОТНОШЕНИЕ КОММУНИСТОВ К РАЗЛИЧНЫМ ОППОЗИЦИОННЫМ ПАРТИЯМ

Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения, понимая, что многие идеологически относящиеся себя к коммунизму партии и организации имеют сегодня международный, трансграничный характер.

В Европе, например, в борьбе против корпоративной и финансово-банковской буржуазии против лояльного капиталу государственной бюрократии, коммунисты примыкают к партиям Социалистического интернационала, Прогрессивного Альянса и прочих международных политических объединений, расквартированных в Большой Европе, как социалистическо-демократическим, так и общедемократического направления,⁵⁶ не

1911 году делом «Большого обнаженного купания». Местное население пожаловалось, что анархисты мужского и женского пола вместе купались. Власти арестовали полдюжины колонистов. Процессы были на первой полосе многих газет. «Дом» в конце концов распался, когда началась Первая мировая война и утопический анархизм затих.

⁵⁴ Фаланстерами назывались социалистические колонии, которые проектировал Фурье; Икарией Кабе называл свою утопическую страну, а позднее свою коммунистическую колонию в Америке. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.

⁵⁵ Реформисты – речь идет о сторонниках газеты «Reforme» («Реформа»), выступавших за установление республики и проведение демократических и социальных реформ (Примечание к работе Ф.Энгельса «Конституционный вопрос в Германии», Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд.2-е, т.4, с.42).

⁵⁶ На сегодня существует 31 левый интернационал, а также 9 региональных интернационалов, в том числе большевистские, марксистско-ленинские, коммунистические, маоистские и смешанные, по самоназваниям. В одном только Социнтерне состоит 144 партии из множества стран, в том числе за пределами Европы, в Прогрессивном Альянсе – 136 партий и организаций [https://en.wikipedia.org/wiki/Socialist_International]. Известно о 47 запрещенных социалистических и 133 коммунистических партиях в Азии, Европе и Америке [https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Banned_communist_parties]. При этом в 56 странах 67 партий демократического социализма являются правящими (18 из них состоят в Социнтерне). Даже с учетом того что 13 интернационалов, включая III Интернационал (Коминтерн) перестали существовать, партии левого толка до сих пор идеологически превосходят любую буржуазную партию, поскольку за социалистами, коммунистами, за

отказываясь тем не менее от права относиться критически к фразам и иллюзиям, проистекающим из революционной традиции и фразеологии.

В США коммунисты поддерживают демократических социалистов,⁵⁷ понимая, что золотая эра американского социализма 1930-1940 годов потерпела поражение после того как США стали центром финансового империализма, и социализм в Америке возрождается из пепла.

Среди индийцев коммунисты поддерживают те партии, в том числе многочисленные коммунистические, марксистско-ленинские, маоистские, которые ставят целью построение социализма, как первого этапа коммунизма, несмотря на то, что ряд левых партий в мире если и не перестал существовать, то отказался от социализма, как от цели работы партии.

В Китае коммунисты поддерживают революционных марксистов-ленинцев-маоистов, не упуская, однако, из виду, что эта самая большая в мире партия состоит из противоречивых элементов, частью из рыночных социалистов в восточно-европейском стиле, частью из традиционных маоистов, придерживающихся старых догм мелкобуржуазного маоизма с сильным националистическим уклоном, частью из фактических капиталистов, членов компартии.

На Россию коммунисты обращают главное свое внимание потому, что она имеет наиболее длительный практический опыт социалистического строительства после революции пролетариата и крестьянства в октябре 1917 года, потому, что Россия в условиях мирового кризиса рабочего и коммунистического движения продолжать искать идейное, теоретическое оружие, столь необходимое мировому пролетариату умственного и физического труда, и обязательно найдет. Что дает основание думать так,⁵⁸ где повод для оптимизма? Достаточное в историческом масштабе практическое движение по пути социализма, преодолевающее и подавляющее всяческое проявление мещанства, буржуазной узколюбости и эгоизма, хотя и потерпевшее временное поражение от собственной переродившейся партийно-государственной верхушки.

Ни на минуту не перестают коммунистические партии, организации, группы, кружки вырабатывать у рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности между буржуазией и пролетариатом, чтобы азиатские, европейские, американские рабочие могли сейчас же использовать общественные и политические условия, которые должно принести с собой господство буржуазии, как оружие против нее же самой, чтобы, сейчас же после свержения реакционных классов не только в России, но и по всему миру, началась борьба против самой буржуазии.⁵⁹

Октябрьская социалистическая революция в России в октябре 1917 года, может считаться непосредственным прологом мировой пролетарской революции, материальные условия для которой уже устроены. Скажем, современному рабочему классу достаточно

рабочим движением историческое будущее, а за буржуазией, за капиталом – тупик.

⁵⁷ «Демократические социалисты Америки» - политическое движение, основанное в США в 1982 году.

⁵⁸ Так, за период с 1900 по 1999 годы образовано 6105 партий

[https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Political_parties_established_in_1900;

https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Political_parties_established_in_1999], из которых 531 – коммунистическая (9% от общего числа) и 509 социалистических (8%). Даже при таком превосходстве в 6 раз остальные партии не смогли стереть коммунистическую идею с лица земли. Наоборот, партийная активность в XXI веке только усилилась: за 2000-2019 годы создано 3424 партии, из которых на коммунистические и социалистические пришлось 92 и 90 партии соответственно, или по 3% от общего числа.

⁵⁹ На сегодняшний день осталось всего пять стран, где у власти коммунистические партии. Конечно, после событий 1989-1991 годов многие коммунисты и социалисты потеряли ориентиры и даже веру в коммунистические идеалы, но социализм и коммунизм живы, пусть даже в самой своей примитивной, первой фазе, государственного социализма. И отсюда, из этой точки в том числе он продолжит свое победное шествие к коммунизму.

только «пальцем пошевелить» в современном насыщенном автоматикой сгустке инфраструктуры и/или промышленности, чтобы у капиталиста душа ушла в пятки.⁶⁰

И чем больше современный работник физического и умственного труда будет знать и уметь в сфере высокотехнологичных сетей производства и инфраструктуры, понимать связи и взаимосвязи явлений, процессов материального производства, инфраструктуры, социального и экономического развития, тем быстрее и легче он освоит управление народным хозяйством в своих странах. Но этого мало! Рабочий поймет, где можно свести к нулю паразитические затраты общественного труда, увеличить свободное время общества, вырваться из царства необходимости в царство свободы.

Первейшее условие все еще актуальной диктатуры пролетариата – поголовно вооруженный народ. И вооружать рабочий люд надо новейшими знаниями, диалектикой, революционной коммунистической теорией, доработанной для нового века. Вооруженный таким образом пролетариат непобедим, особенно в условиях современного производства и обмена, развитой инфраструктуры, информационной, транспортной, энергетической.

Тогда можно будет «...свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов – вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом»,⁶¹ и «контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооруженных рабочих».⁶²

Если оппозиционные партии вооружают народ для диктатуры пролетариата в ее новом понимании и для руководства обобществленной экономикой, то мы, коммунисты, с ними. Если такие оппозиционеры разоружают народ, толкают его в объятия, точнее, на растерзание капитала, навстречу нужде и лишениям, то их нужно беспощадно разоблачать как буржуазные и лживые, маскирующиеся под социалистические, рабоче-крестьянские и коммунистические организации.

Одним словом, коммунисты повсюду поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя.

Во всех этих движениях они выдвигают на первое место вопрос о собственности, как основной вопрос движения, независимо от того, принял ли он более или менее развитую форму.

Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

24 сентября 2018 – 13 февраля 2020

Чернышев В.М.

⁶⁰ Например, общенациональная забастовка в Индии 09.01.2019 года охватила 200 миллионов человек, которые требовали минимальной заработной платы. Забастовка такого масштаба – первая в мире, и мировой финансовый капитал еще не осознал всей мощи объединенного передовой идеей рабочего класса.

⁶¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Изд.5-е, т.33, с.100-101.

⁶² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Изд.5-е, т.33, с.97.